

~~7-50~~

- 50
21

17

С. СОКОЛОВ

8ФР (092)
с-59 П

ЦЕНА 75 КОП.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

БОРИС СОКОЛОВ

С К А З И Т Е Л И

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

8ФР(092)
С 59

1992 г.
2006

1973

О Т П Е Ч А Т А Н О
в типографии Нижполиграф
в количестве 2000 экзempl.,
Гиз № 7690, Нижегородский
гублит № 290

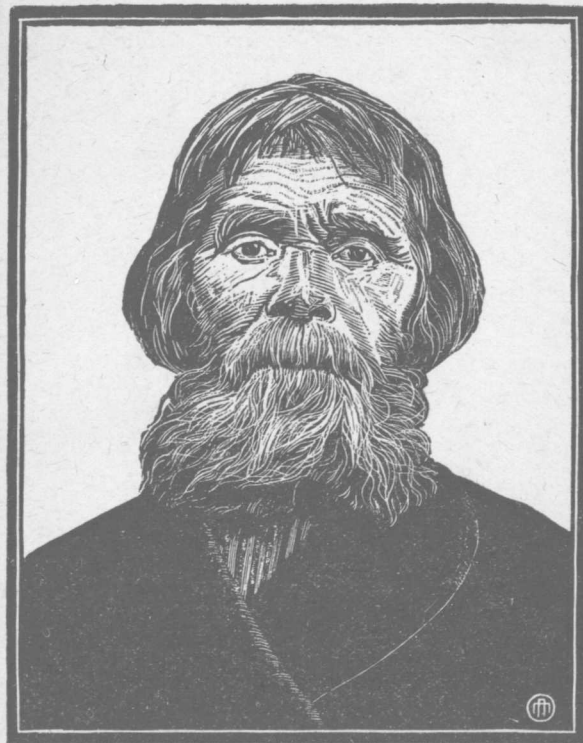
74333К

БИБЛИОТЕКА
Народного фронта
Академии наук СССР

МАРИЯ ДМИТРИЕВНА КРИВОПОЛЕНОВА

ТРОФИМ ГРИГОРЬЕВИЧ РЯБИНИН

Портрет Екатерины II

Среди бесконечно разнообразных произведений русской народной словесности одно из самых видных мест нужно отвести драгоценным, дошедшим до нашего времени песням о старине, так называемым в народе «старинам», «старинкам», а в науке—«былинам». В песнях этих русский народ сохранил воспоминания о глубокой «старине стародавней». В этих длинных песнях, поющих «сказителями» или «сказительницами», рассказывается о таком давнем времени, когда еще только начиналось русское государство. Поют былины про Олега Вещего, в образе богатыря Вольги, про его искусную охоту. Все звери и птицы при зарождении этого богатыря почувствовали появление на свет опасного для них охотника:

Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во темные леса.

Поют былины про встречу этого Вольги с сильным мужиком пахарем, Микулой Селяниновичем, перед которым ступшевается сам богатырь Вольга и вся его «дружинушка хоробрая».

Много поется в былинах—старинах про «ласкового» князя Владимира Святославича, про его знаменитые пиры:

Про гостей, бояр, гостей торговых,
Про сильных, могучих богатырей,
Про всех крестьян православных.

Помнят былины сказания о женитьбе князя Владимира на гордой княжне, помнят про его дядю Добрыню.

Добрыня этот—тот самый, который принимал участие в насильственном крещении новгородцев, получил в народной былине облик богатыря, борца со Змеем-Горынычем. И в этой былине нашли себе воспоминания из той отдаленной жизни, когда Русь только что принимала христианство. Другая былина—об Идолище Поганом—служит уже ясным воспоминанием о борьбе с язычеством, о сокрушении идолов. Только идол в богатырской песне как бы ожил, стал живым лйдом. Те жертвы, какие приносились некогда идолам, превратились в былине в чрезмерное обжорство Идолища Поганого.

Как ведь он же к выти * хлеба ест,
А ведь три то печи печеных,
Пьет то он еще зелена вина
А по три то ведра он мерных.
По целой ковриге на нож тычет,
На нож тычет да за щеку бросает,
По целому лебеду на нож тычет,
Он на нож тычет да за другую бросает.

Сохранились в былинах воспоминания о тех далеких временах, когда находили на Русь восточные кочевники-половцы. Былины помнят о некоторых половецких ханах, один из которых—Тугоркан—принял в былине сказочный облик Тугарина-Змеевича. Еще больше воспоминаний, донесенных до нас народной памятью, сохранилось в былинах о других находивших на Русь кочевниках—о «поганных татарах». Многовековое

* К обеду

татарское иго, борьба с татарами, переменные успехи в этой борьбе, наконец, окончательное торжество над ними послужили предметом воспевания многих былин. Страшного хана Батыя, разорившего Русь,—легко узнать в былинном царе Батыге, нашедшем на Киев и пожелавшем его полонить. Былины живо рисуют нам жуткую картину нашествия на «Красный Киев» огромных татарских полчищ:

Как не вешняя то вода разливается,

Не морская волна да колеблется,

А поганая сила неверная ко Киеву
да подвигается.

Как от того то пару лошадиного

Как померкла луна небесная.

Отразились в былинах такие важные события из времен татарского нашествия, как знаменитое Калкское побоище (1224 г.), когда погибло много русского народа, князей и богатырей. Среди последних погиб с 72-мя другими «храбрами», то есть богатырями, как свидетельствует древняя летопись, и славный ростовский богатырь Александр Попович. Этот то богатырь известен в былинах под именем богатыря Алеша Поповича.

В глубоко прочувствованном тоне былина объясняет неудачу для русских этой битвы и гибель многих богатырей неразумным их хвастовством. Изрубив поганую татарскую силу, богатыри стали похваляться: «не намахались наши могучие плечи, не ушли наши добрые кони, не притупились наши мечи булатные». Алеша Попович говорит: «Подавай

нам силу нездешнюю, мы и с тою силою справимся». Но похвально слово—гнило. Богатыри не могли справиться с явившейся вдруг «нездешней» силой. Разрубят одного—на место него станут двое. «Сила все растет да растет, все на витязей с боем идет». Испугались богатыри, побежали в каменные пещеры, там и окаменели. Много поют былины про борьбу русских с татарами и другими врагами. Былины воспевают и ту сторожевую службу, какую приходилось нести русским воинам для защиты от нашествия степных врагов. В былинах часто поется про ту богатырскую заставу, во главе которой обычно стоит любимый русский богатырь Илья Муромец. Много приписано подвигов этому могучему богатырю, которого народ сделал крестьянским сыном, уроженцем города Муром, села Карачарова. Он бьется и с Соловьем Разбойником, живущим на семи дубах, он же вступает в бой с неузнанным им сыном Подсокольников, он же бьется с Идолищем Поганим; не раз освобождает Илья Муромец «столен Киев град», не раз вступает он в открытую борьбу и ссору с самим князем Владимиром. И много других подвигов приписано в былинах этому богатырю, которого былина выводит, как справедливого и рассудительного богатыря, заступника «за вдов и сирот» и за всю русскую землю. Но не одни только войны и битвы описываются в былинах. Многие былины изображают более мирную, но не менее занимательную, жизнь. В них, например, изображается фронт-«шап»-Чурило Пленкович и его любовные похождения.

Во славном городе во Кieve
Жил был Чурилушка Пленкович,
Справляется Чурило, снаряжается Чурило,
Наливает Чурило ключевой воды в таз,
Умывает Чурило личико белешенько,
Утирается Чурило в тонко бело полотно,
Надевает на ножки сапожки зелена сафьяна,
Сапожки сафьяну были турецкого,
Шитья немецкого,
Под пяты, под пяты, воробей пролетел,
Около носочка личко прокатилось,
На себя надел сафьян синего сукна,
На головушку шапочку ушисту, пушисту,
завесисту,

Пятьсот то рублей серебром.

То описывает былина приезд из Индии богатой в Киев богатого и роскошно одетого Дюка Степановича. Дюк хвастает своим несметным богатством, и в былине даются подробные описания умопомрачительной роскоши Индии. Все в Индии прекрасно: и одежда, и постройки, и кушанья. Так Дюк хвалится перед киевским князем:

Как у вас ведь все да не по нашему,
Как у моей государыни, у матушки,
Да то печки были все муравленные,
А поды то были все серебряные,
Да помела были все шелковые,
Калачики да все круписчатые,
Калачик съешь—другой хочется,
По третьем то дак душа ведь горит.

Есть и такие былины, в которых изображаются смешные, забавные происшествия, как, напр., ссора на почетном пиру двух «честных вдов»:

Было две честных вдовы
Первая вдова Блудова жена,
А другая вдова Часова жена.
Наливала чашу меду сладкого,
Брала эту чашу во белы руки,
Подносила честной вдове Часовой жене,
И за этой чарочкой похвасталась,
На честной девице на Чайной Часовичне
За своего за сына, за любимого,
За своего Хотенушку за Блудовича:
«Ай же ты, честная вдова Часовая жена,
Сведем ко мы детей в одно место,
А мы будем с тобой родные родницы,
Родные родницы, сватьяшки».

Однако Часовая жена страшно рассердилась за такое неравное сватовство:

Честная вдова Часовая жена
Взяла эту чару в белы руки
И вылила ей чару во ясны очи,
Облила ей шубу камчатную,
Из шелковой ткани с разводами,
Пушок морской, вершок дорогой.
Сама говорила таковы слова:
«Уж ты—таковая то—Блудова жена
Дойдет ли Часовичу взять за себя
За своего Хотенушку за Блудовича?»

* *Годится ли*

В конце концов возникла страшная ссора, вплоть до кровавых столкновений, пока князю Владимиру не удалось примирить двух чванных вдов.

Большую занимательность представляют былины из жизни Великого Новгорода, той его поры, когда он был еще самостоятельным, независимым от Московского Государства, богатым городом с «вечевым» республиканским управлением. Превосходна красивая былина о госте—купце новгородском Садко богатом. Былина поет о том, как Садко ходил по пирам и играл на своих «гусельках яровчатых». Но случилось так, что несколько дней подряд не зовут Садка на пир. Пригорюнившись, пошел Садко на берег Ильмена озера и заиграл на гусельках. Вот показался из воды Морской царь и в награду за «утеху великую» посоветовал Садку биться с новгородскими купцами о велик заклад, что в Ильмень озере водится рыба с золотыми перьями. Послушался Садко Морского царя, поймал золотую рыбку, выиграл заклад и сильно разбогател. На одном пире похвастался и снова поспорил с новгородскими купцами, что сможет скупить все товары в Новгороде, «не оставит их ни на денежку». Три дня подряд скупал товары Садко, но под конец пришел к горестному для себя выводу: «не выкупить товара со всего света: еще повыкуплю товары московские — подоспеют товары заморские. Не я, видно, купец богат новгородский—побогаче меня славный Новгород». Дальше былина рассказывает, как Садко, поехавшего с товарами в сине море, застигла буря. Понял Садко, что

Морской царь требует себе жертвы. По кинутому жребию—пришлось самому Садку быть спущенным в море, к Морскому царю. Садко заиграл на своих гуслях, по приказанию царя, а Морской царь пустился в пляс. Три дня играл Садко, и три дня, не переставая, танцевал царь Морской. Не мало потонуло кораблей и погибло людей от этой пляски. Пляска прекратилась только тогда, когда Садко по совету явившегося ему «седатого и плешатого» старика (Миколы Можайского) не сломал гуслей. Микола Можайский вынес Садка из моря, и Садко очутился в Новгороде среди своей удивленной дружины. В благодарность за спасение он построил церковь во имя Миколы Можайского.

В другой былине о Васье Буслаеве, как в зеркале, отразилась бурная жизнь Великого Новгорода с ее жаждой независимости, горячей борьбой партий, с кровавыми столкновениями на Волховом мосту, с новгородской вольницей и ее удачей. Прошло время новгородской вольности, независимости Великого Новгорода пришел конец. Новгород должен был склонить свою голову перед возвысившейся Москвой.

Московское государство, его волнения, войны и события также отразились в былинах. Особенно много былин дошло до нас о Грозном царе Иване. Живо передают песни жуткое время царского самовластья, когда каждый боялся «слово молвить», когда так обращались к царю:

Позволь ко се мне слово молвить.

Не вели меня за слово скоро казнить,

А скоро меня сказнить, а скорей того
повесить,

Несылать меня во ссылочки во дальние,
Не садить во глубоки да темны погреба.

И часто в награду за службу царскую была «грозная опала», «плаха липовая» или «смолы котел», или «реля высокая». И более поздние события—Смутное время с преданиями о злой лиходейке Маринке, о Гришке Отрепьеве, воспоминания о времени первых Романовых, наконец, рождение Петра Великого—и об этом знают былины.

Так разнообразно содержание старинных песен «старины стародавней». Былины впитали в себя события многих веков нашей истории. Историческая правда слилась в них с поэтическим вымыслом народа. В конце концов получились высоко-художественные длинные песни, увлекающие своим содержанием, привлекательные присущей им своеобразной красотой. Недаром эти народные былины так ревностно собираются и изучаются учеными. Недаром художники находят в них интересное содержание для своих картин (напр., знаменитая картина «Три Богатыря» художника Васнецова), а поэты подражают им в своих стихотворных произведениях (напр., Алексей Толстой, Суриков, Лермонтов в своей замечательной песне о купце Калашникове). Недаром, наконец, выдающиеся композиторы-музыканты на основе былинных напевов создают свои очаровательные оперы—напр., опера Римского-Корсакова «Садко».

Вому же русский народ обязан сохранением до наших времен этих замечательных старинных песен? Кто эти счастливые хранители старинного художественного наследия? Их надо искать не в блестящих концертных залах столичных городов, не среди самых образованных артистов и поэтов, а в глухих, северных деревнях, в скромных деревенских избах, среди неграмотных простых крестьян.

Постараемся поближе познакомиться с этими «сказителями старин», узнать условия и обстановку их жизни, присмотреться к их искусству пения и определить их творческую личность.

Былины, можно думать, некогда были распространены по всему пространству России. С тех пор, как просвещенные люди стали интересоваться народным творчеством, былины были записаны в разных местах поволжских губерний: Симбирской, Нижегородской, Саратовской, даже в губерниях Владимирской и Московской, на Урале, в Сибири. Сохранились некоторые следы их и за пределами Великороссии, в Украине и Белоруссии. Но главным очагом сохранения былины оказался наш далекий Север. Собиратели, особенно Рыбников, а потом Гильфердинг—в 60—70 г.г. прошлого века—открыли несметное богатство былин в Олонецкой губернии. В начале XX века трудами ученых собирателей (Григорьев, Марков, Ончуков) еще дальше на Север, у берегов Ледовитого океана, обнаружено было не меньшее количество былин. Итак, русский Север—вот та обетованная страна, где

74333к

до сих пор суждено было сохраниться драгоценным песням старого времени. Но почему же этот отдаленный край явился хранителем этой художественной старины? Как раз по тому самому, что это—далекий от тревожений жизни край; край, где жизнь шла, да и до сих пор идет старинным укладом. Туда не проникают так быстро нарушающие этот древний строй жизни культурные влияния. Там ничто не мешало, по крайней мере до последних десятилетий, доживать свой век глубокой старине: и в наряде, и в обычаях, и в преданиях, и в словесности. Да и могла ли как-нибудь быстро и решительно измениться жизнь деревень Севера, когда сама природа лесного и озерного края как бы приняла все меры к тому, чтобы затруднить сообщение местных жителей не только с более отдаленными краями, но даже с своими соседними деревнями. Непроезжие дороги, непролазные грязи и болота, дремучие леса, беспокойные озера или даже, самое трудное для плавающих, Окиан—море, как зовут северяне Белое море,—вот те природные «заставы», преграды для быстрых и частых сообщений одного селения с другим. В зависимости от суровой природы находится материальный быт и труд северного крестьянина. «Материальная обстановка северно-русского крестьянина,—пишет известный собиратель онежских былин Гильфердинг,—несколько сносна у Онежского озера, потому что тут он располагает обширным водоемом, который находится в прямой связи с Петербургским портом, но дальше к Северу и Востоку вы видите

только лес, лес и болото и опять лес; озера, разбросанные в этом крае, служат только для сообщения между деревнями, их окружающими.

Климат такой, что здесь природа отказывает в том, без чего нам трудно представить жизнь русского человека: у него нет капусты, ни гречи, ни огурцов, ни луку; овес, разными способами приготавливаемый, составляет существенную часть пищи. Отсутствует и другая принадлежность русского народа—телега. Телега не может пройти по тамошним болотистым дорогам. Она появляется только на 35 верст южнее Кенозера. Севернее около Кенозера и по Заонежью возят что нужно и летом на саях (дровнях) или же на волоках, т. е. оглоблях, которые передними концами прикреплены к хомуту, а задними волочатся по земле; к ним приделана поперечная доска, на которой привязывается кладь. Когда же нужно ехать человеку, он отправляется верхом там, где не может пользоваться водным сообщением». Такова природа и способы передвижения в Олонецком крае.

Дальше же на север, особенно на северо-восток, за Двину, к далекой Печоре природные условия несколько не лучше, и сообщение еще труднее. Там часто многие селения на долгие недели бывают совершенно отрезаны от окружающего мира. Послушаем другого собирателя былин, Ончукова, ездившего за ними в бесконечно далекий Печорский край.

«Выехав из Петербурга 2-го апреля, 5-го я был в Архангельске, 6-го уже выехал по самому последнему пути на Печору. Мне предстояло сделать на саях

около 600 верст, а время стояло самое неблагоприятное для этого: немилосердно для ранней на севере весны палило солнце, быстро таял снег, и быстро портились дороги, по которым ехать становилось едва возможно, а так как большая половина зимнего тракта на Печору идет реками—С. Двина, Пинега, Мезень, Цыльма,—то и небезопасно: ледяной покров рек везде освободился от снега и посинел, появились большие забереги, у самых краев дороги зловеще темнели полыньи. Сильно разбитый, сделав в шесть дней 800 верст, 12 апреля приехал я на Печору, в Усть-Цыльму. 21 апреля выехал в селения на реке Пижме. И выехал все еще по зимнему пути: на самых последних днях страстной недели погода внезапно изменилась, подул ветер с «океана» «перенова», и Светлый праздник печорцы встретили, как Рождество, в шубах. Съездить в селения на реке Пижме по зимней дороге было очень выгодно: путь во все деревни укорочался на половину, и втрое сокращалось время. Пробывав во всех деревнях Пижмы, кроме трех отдаленнейших, с небольшим жильем, где наверняка, говорили мне, нет былин, 2-го мая, я приехал обратно в Усть-Цыльму, где и стал переживать распутицу, ждать вскрытия Печоры. Ждать этого «события» на Печоре, меняющего совершенно ее зимнюю физиономию, пришлось очень долго. Вычистано, что Печора в среднем вскрывается 3-го мая, редко она вскрывается в самом конце апреля, а в тот год в Усть-Цыльме Печора тронулась 14 мая, а лед пошел 16 мая. В Пустозерске и др. селениях

низовья Печора тронулась 26—28 мая. Все время распуты я сидел на месте, так как гораздо раньше Печоры вскрылись маленькие впадающие в нее ручьи и речки и, обратясь в буруны, отрезали путь даже в ближайшие к Усть-Цыльме деревни: мостов ведь на Печоре не полагается, а если таковые и есть кой-где, то при отсутствии на Печоре земства дорожное дело находится там совсем в плачевном состоянии».

То же самое мы видим в другом северном краю, в так называемом Поморье. «Осенью вследствие бурь, туманов и темноты пароходы перестают ходить, отчего прекращается летний путь, зимой же сухопутной дороги еще нет, так как выпадает много дождя, а болота еще не замерзли. Весною же зимний путь прекращается, так как тают снега и болота, вследствие чего на нем можно утонуть, а летний путь не действует, так как пароходов не пропускают (иногда до первых чисел июня) льды. Поэтому осенью и весною население поморской деревни бывает отрезано в течение нескольких недель не только от остального мира, но даже и от соседних деревень» (Григорьев.)

Описанные стороны северной природы, как видим, сильно затрудняют общение северного крестьянина с другим миром: они как бы запирают его в своем крае, создают немало неудобств и тягот. Но еще больше тяжелого, часто непосильного труда должен выдержать северный житель, когда он вступает в борьбу с природой для добывания себе куска насущного

хлеба. И на рыбных промыслах, часто опасных, и на тяжелой пашне, и в лесу за рубкой леса ведет неустанную утомительную борьбу северянин с силами природы. «Северный человек,—писал один из знатоков северного края, Барсов,—постоянно находится под сильным давлением природы. В древних местных памятниках мы постоянно встречаем имена потопших, древом убиенных, зверем растерзанных, демоном уведенных. Здесь то и дело—зябелы на поле, недороды на лугах, недоплоды на дворе».

«Кто видал пашню в лесу, так называемые «лядины», кто знает, что такое эти «лядины» или подсечное хозяйство, тот не станет сомневаться в силе воли олончанина. Вот что такое это работа «в лесах», о которой сами крестьяне говорят, как о самой тяжелой работе. Довольствоваться наделом пахатной земли близ своего селения олончанину положительно нет возможности: он слишком мал, всего $\frac{1}{3}$ десятины на душу. Вот почему ранней весной олончанин отправляется в лес, едва только сойдет снег, выбирать себе место для лесной пашни, так наз. «лядины»... Просохнет немного земля и вся семья крестьянина отправляется на работу. Идут молодые и старые, женщины и подростки. Женщины вооружаются так называемыми «женскими топорами» или «косарями» — длинный согнутый нож, у которого лезвие находится с внутренней стороны — и для удобства передеваются в лесу в мужицкий костюм. Уходит семья из дому в понедельник, обыкновенно на целую неделю. С шутками, смехом и разговором уходят в лес эти

неутомимые работники, еще веселее возвращаются они домой. В лесу работа кипит с утра до вечера. Рубят маленькие деревья, срубают нижние и верхние ветки с больших деревьев. Но спать возвращаются домой только в том случае, если своя деревня близко. В противном случае ночуют в «фатерке». Она обыкновенно тесна и низка до того, что встать в ней взрослому нет никакой возможности.

В эту то «фатерку» вползают рабочие и здесь находят ночной приют. Но бич олонцев лесов—комар и мошка, мучившие их в продолжении дня, зачастую не дают им уснуть. Часто, потеряв терпение, олончанин зажигает березовую ветку и накалившимися листьями прожигает свои раны. Часто за десятки верст он бежит в свою деревню попариться в бане: единственное почти средство, по мнению крестьян, облегчить эти ужасные страдания. Кончилась подготовка работы на лядине—срубание веток и деревьев—и олончанин оставляет ее для будущего года. Получившаяся куча валежника успеет высохнуть до следующего лета. Тогда снова является сюда хозяин ее с домашними, лядина поджигается со всех сторон, искры взлетают вверх—и среди этого пламени, среди одного густого дыма, ходят владельцы лядины, переворачивая сучья и бревна, не давая гаснуть огню до тех пор, пока не испепелится весь валежник. Эта работа большею частью отражается на глазах, которые потом страдают воспалением»
(В. Харузина. На севере.)

Суровая северная природа и труд, какой приходится нести северному крестьянину в борьбе с нею, не могли пройти бесследно для его душевного и физического склада. Тяжелый труд, дикая природа, постоянные опасности в лесу в поле, на море или на озере невольно способствовали развитию в северном великоруссе упорности, настойчивости и выносливости. Эти черты характера нам придется часто отмечать у многих из «сказителей» — певцов былин, — когда мы дальше познакомимся с ними. Но эта же природа нашего глухого Севера при всей своей суровости и тяжести для местного жителя, однако, имеет для него и свои привлекательные стороны. В дремучих лесах, бурных в непогоду и зеркально чистых в тишь озерах, в голубых широких северных реках есть чарующая таинственная красота. Недаром Север так влечет к себе художественно настроенных людей. Недаром так много восхищенных и умиленных описаний Севера найдем мы у наших художников и ученых. Вот описание Онежского озера, сделанное собирателем былин Рыбниковым.

«Онегой все дули холодные ветры, местами еще плавали льдины: было холодно, и мы все кутались. Кроме воды и неба, ничего не было видно: по крайней мере я, по близорукости своей, ничего не мог рассмотреть вдали, кроме длинной полосы берега, который то приближался, то исчезал. Но как только мы вехали в Кижскую губу, как будто по чудьему велению стало тепло; гребцы распоясались и

поснимали кафтаны. Узкая полоса залива или, лучше сказать, пролива тянулась в неизмеримую даль. По обеим сторонам его выступали гористые берега самых причудливых очертаний. Они были изрезаны небольшими заливами, наполнены островами. Тут вдавалась глубоко в берег «заберега», там мы плыли «по тихой по заводи», а где тихая заводь, там и есть «затрессы», только в мае месяце затресья были покрыты не зеленою трестюю, а белою, высохшею от мороза и ломавшеюся от удара весел. По берегам виднелись деревни, выселки и починки. Избы в иных местах нагнулись к самой воде, и от них идут в озеро длинные «мостовища», куда пристают лодки. И над всем этим господствовали угрюмая северная величественная природа, синева сосен, суровые очертания скал да извилины озера».

Не меньше тихой прелести в северных реках, в глади которых, как в зеркале, отражается небо. Тому, кто бывал на Севере, станет вполне ясным, почему один из современных художников Переплетчиков так влюбленно живописал в своих картинах красавицу Северную Двину.

Если природа Севера производит своей тихой красотой чарующее впечатление на заезжих людей, то не могла она не отразиться на душе местных жителей. Тишина Севера, его задумчивое спокойствие оставило свой след на характере и душевном складе местного крестьянина. Эта же природа, которая дала ему жизненный закал и настойчивость в труде, развила в северянине сдержанное спокойствие и незлоб-

ность, бросающиеся в глаза каждому приезжающему на Север. Эту связь между природой и человеком невольно уловил своим чутьем упомянутый сейчас художник Переплетчиков при встрече с одним из местных жителей.

«Что же Вам, должно быть, тяжело так жить?»—спросил он его. «Нет, ничего. — Вот пройдешь по дороге, помотришь, поглядишь кругом. Хорошо тут, тихо. Леса. Станет на сердце спокойнее. Ну и ничего!».

«В природе была полная тишина, неподвижность. Вдруг молодая осина, на краю дороги, только она одна забеспокоилась, зазеленела листьями и вдруг опять так же внезапно умолкла. Казалось, она рассказала о чем-то другим деревьям, которые стояли неподвижно, и о чем-то их предупредила. Опять настала полная тишина, и среди этой мертвой тишины точно звенели в неподвижном, влажном воздухе какие-то невидимые, волшебные струны: не то это звенели мошки по вершинам деревьев, не то звенел далекий дождь, проходивший стороной, не то струился сырой, теплый воздух и, двигаясь, звенел в соснах. Звук был торжественный, тонкий и гармоничный. Должно быть то самое, что я слышал теперь в природе—ее вечная гармония и музыкальная тишина—это самое давало силы жить, нести безропотно тяжесть жизни и быть незлобным тому человеку, который только что ушел от меня».

Своеобразная красота северной природы могла пробудить и поддерживать художественную жилку в северном человеке. И правда. Несмотря на скудность

материальных средств, несмотря на общую простоту окружающего, русский северянин обнаружил большой вкус, большое художественное чутье и поэтическое дарование. Это сказалося и в его постройках, и в его нарядах, и в женском рукоделии, и деревянной резьбе. Русский Север сохранил и до наших дней преходящие образцы деревенских церковных и крестьянских построек.

При всей простоте своих составных частей северные храмы вызывают восторг у всех ценителей искусств. Бревенчатые стены, простые, но красивые крыльца с «рундуками», то есть крытыми площадками, «кокошники» и «бочки»—круглые с заострением наверху покрытия, чешуйчатые деревянные главки, иногда в обильном количестве (есть храмы с 22-мя главами) покрывающие, в постепенно возвышающихся рядах, верх храмов,—все это создает впечатление высокого, вместе с тем, глубоко народного искусства. Все эти простые деревенские дервки Севера являются продуктом многовекового творчества жителей, «дарства дерева». Они стоят в таком соответствии с местной северной природой, так согласуются с ее общим тоном, что кажутся совершенно от нее неотделимыми.

То же проникновенное художественное чутье русского северянина сказалося и в столь им любимых часовенках и деревянных крестах, которые так часто встречаются на дороге, среди поля, в лесу и на кладбищах. Наконец, большой вкус проявился в крестьянских избах «хоромах», с точеными столбиками,

«резными вышками»-балконами, с красивыми уступчатыми крыльцами.

Но ярче всего художественное дарование севернорусского крестьянина сказалось в поистине бесподобных произведениях художественного слова.

На Севере записаны самые лучшие народные причитания, волнующие душу глубокой искренностью вложенного в них чувства и удивительной красотой содержания. На Севере сохранились превосходные, по своей обстоятельности, «обрядности», свадебные обычаи и бесчисленные песни. Богат русский Север сказками и быличками. Там до сих пор существуют таинственные народные заговоры, от которых веет духом далеких, далеких времен. Сам разговорный язык народа отличается там какой-то особенной наглядностью-меткостью; простая речь нередко пересыпается удачными присловиями, поговорками и пословицами. Вот в этой то безусловной поэтической одаренности местного населения мы находим еще одну причину, почему наши былины сохранились на далеком Севере.

НАСЛЕДИЕ ВОЛЬНОГО НОВГОРОДА; ХАРАКТЕР СЕВЕРЯН

Былины неравномерно распространены на Севере; в одних местах былины живут еще полной жизнью, в других уже забываются, близятся к исчезновению.

Но еще и теперь есть такие места, где былинное творчество в полном расцвете. Есть такие селения и местности, где былины-«старинки» знает большинство крестьян, где пение былин известно с малых лет чуть не каждому. Такова, например, местность к северу и востоку от Онежского озера. «Там былевая поэзия,—говорит собиратель,—живет столько же в старшем, сколько и в молодом поколении. В этом отношении особенно замечательно Кенозеро. Крестьяне и крестьянки, поющие здесь былины, насчитываются десятками, поют былины старый и малый; вы здесь услышите одну и ту же былинку от пяти—шести человек мужчин и женщин, которые живут в разных деревнях; в то же время вы встретите трех братьев, которые живут в одном доме и из которых каждый знает свои особые былины; вы встретите семейство, в котором муж и жена охотники петь былины и поют разные. В Кенозере воздух еще пропитан духом былинной поэзии и даже еще ищет себе новых предметов»...

Сохранение старинных былевых песен о сказочных подвигах богатырей, которые одни-одинешеньки побивают десятки тысяч врагов, о Змее Горыныче, утаскивающем племянника князя Владимира, об обжорливом Идолице Поганом, с сорока пудовой палицей, которой поигрывает Илья Муромец—все это

возможно лишь тогда, когда певцы этих песен еще верят, что все это могло быть правдой, а не выдумкой. Для того, чтобы богатырские песни привлекали внимание и интерес как певцов-сказителей, так и их слушателей, для этого нужна в значительной мере еще вера в чудесное. Большинство северных сказителей глубоко верят в правдивость всего того, что поется в былинах. «Без веры в чудесное,—говорит Гильфердинг,—невозможно, чтобы продолжала жить природною жизнью былинная поэзия. Северно-русский крестьянин, поющий былины, и огромное большинство тех, кто его слушают, безусловно верят в истину чудес, какие в былинах изображаются».

Об этом же свидетельствует собиратель былин на Печоре. «Печора в громадном большинстве случаев даже не задается вопросом, правда ли все то, что поется в былинах. Для большинства все удивительное и необыкновенное, о чем рассказывают в старинах, вполне допустимо. Да и без веры в чудесное они, конечно, потеряли бы всякий интерес, может быть, давно забылись бы. Нужно только видеть, с каким воодушевлением и вниманием слушают печорцы старины, подчеркивают особенно нравящиеся им места, объясняют по своему темные и не совсем понятные. Чудесное в былинах для печорца совсем, впрочем, и не представляется чем то особенным. Этим чудесным полна его действительная жизнь. Мир, его окружающий, полон чудес и необычайностей: в реках и, особенно, озерах обитают водяные, в лесу—лешие, в собственном доме за печкой

хозяйничает домовою, вокруг оборотни, ведьмы и т. д.» Есть еще другие причины, почему былины сохранились главным образом на Севере. Помимо отдаленности, «глуши» северного края, дающей возможность дольше сохранять старинное наследие, помимо художественной одаренности населения и его еще наивной веры в возможность чудесного, необычайного, сохранению былин на Севере способствовало то обстоятельство, что наш Север не видел позорного крепостного права. Там крестьянин не находился в крепостной кабале, а потому любовь к свободе независимости, о чем так много поется в былинах, так близка и понятна северному крестьянину, потомуку древних жителей «свободного Новгорода». Все это сказалось и на характере и природных свойствах архангельского или олонедкого крестьянина, на его чувстве собственного достоинства в отношении к лицам другого сословия и между собой. Даже слово «барин» на Севере и до революции было не употребительным. Здесь относились к человеку высшего сословия, как к равному и не унижались перед ним. Характерно независимое отношение крестьян к прежним чиновникам: так в Поморье крестьяне называли их «царскими нищими».

Вообще, отзывы лиц, изучавших и наблюдавших северный край, о душевном складе и характере местного населения создают привлекательный образ трудолюбивого северного крестьянина.

Общее впечатление о жителях Олонедкого края, вынесенное из поездки туда Гильфердинга, «и тяжелое и

вместе отрадное». «Отраднo видеть северно-русского* крестьянина этой местности самого по себе, тяжело видеть обстановку, в которую он поставлен природою, еще тяжелее ту, в которой держит его масса сложившихся и накопившихся недоразумений. *

Народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом я не видывал. Он поражает путешественников столько же своим радушным гостеприимством, сколько отсутствием корысти. Самый бедный крестьянин, у которого не достает на пропитание, и тот принимает плату за оказанное одолжение, иногда сопряженное с тяжелым трудом и потерей времени, как нечто такое, чего он не ждал и не требует». Такое впечатление вынес от олонедких крестьян и другой собиратель былин, Рыбников. «Народ весь был приветливый, радушный, вел веселую беседу, держал себя с удивительным тактом.»

И дальше на Север — в Архангельской губ. — население имеет точно такие же характерные черты. У приморских жителей, например, жителей Зимнего берега, к указанным чертам нужно прибавить еще большую отважность, смелость, выработанную жизнью на море, борьбою с морской бурей и непогодю. «Население Зимнего берега, по словам Маркова, отличается отважностью, презрением к опасностям морского пла-

* Сбиратель имеет в виду здесь произвол и насилие полицейской власти и чиновников.

ванья и звероловных промыслов. На Белом море известно, что нет «отважнее золотидского народа— промышленный народ», вместе с тем он отличается открытым обращением, резкой, бойкой речью и чужд всякой застенчивости.

Известный писатель Максимов, автор интересной книги «Год на Севере», так характеризует жителей противоположного Терского берега: «добрый и приветливый народ Терского берега; стоит только обокраденному мужичку заявить о пропаже в церкви после обедни,—вор или вынужденный обстоятельствами похититель непременно скажется. Доверчиво смотрят на все терчане, откровенно высказывают все свое сокровенное. Гостеприимство и угощение доведены здесь до крайней степени добродушия».

На далекой Печоре тип местного жителя в общем имеет те же черты, являющиеся общим для русского северянина в отличие от средней полосы России. Доктор Мартынов, посланный за политические убеждения в Печорский край, так отзывался о местных жителях: «Русское население на Печоре, по сравнению его с крестьянами центральной полосы России, заметно отличается большею самостоятельностью, сметливостью и предприимчивостью. Объясняется это, с одной стороны, отсутствием здесь крепостного права, а также и самыми особенностями экономических условий в стране, где климат и почва не позволяют заниматься исключительно сельскохозяйственным трудом, а заставляют обратиться к лесным, речным и морским промыслам, сопряженным с большой опасностью».

Северная природа причиняет северному крестьянину большие тяготы и страдания, но та же природа оказала на него и благотворное влияние, развил его художественное чувство и закалив его духовно и телесно. Точно такие соединенные с опасностью промыслы содействуют поддержке и развитию в нем поэтического творчества и, прежде всего, пению былин. Былины, как известно, отличаются часто своим очень большим размером. Часто одна былина достигает чуть не двух тысяч стихов. Для того, чтобы пропеть и прослушать одну из таких былин, поющих мерным, неторопливым напевом, требуется весьма много времени. А для этого нужен досуг. По самому роду занятий рыбным промыслом рыболовы после трудной работы пользуются продолжительным досугом. Вот тут то хороший сказитель, знающий большое количество былин, является самым желанным гостем. Часто на Севере бывает так, что рыболовы, перед отпавкой на промысел, стараются заманить к себе хорошего сказителя былин и заключают с ним даже как бы договор. Один из самых известных олонечких сказителей Рябинин в молодости хаживал для рыбного промысла на Ладожское озеро и привык там видеть уважение и удивление к своему знанию былевой поэзии. В праздничные дни рыболовы обыкновенно собирались с разных судов в одном кругу слушать Трофима Григорьевича. Если даже приходилась очередь Рябинину дежурить у лодки, так кто-нибудь из его слушателей брал на себя исполнять его дело,

а Трофим Григорьевич тем временем пел и сказывал былины без умолку. «Если бы к нам пошел, мы бы на тебя работали; лишь бы ты нам сказывал, а мы тебя все бы слушали»,—говорили ему рыболовы. Таким же почетом среди рыболовов пользуются «старинщики»—сказители былин—и в Печорском крае. Особенно желанными спутниками рыболовов являются сказители, когда печорцы уезжают на так называемые «осеновья». «Осеновья,—описывает Ончуков,—это ловля белой рыбы осенью или в начале зимы на озерах. На осеновья уезжают обыкновенно артелями в 6—7 человек. Уезжают с запасами провизии за много верст от двора, за 100—150 и больше, где проводят осеннюю распутицу, а по первому снегу возвращаются домой. День на Печоре осенью очень короток, и, проработав часов 5—6, при наступившей темноте все принуждены на невольный отдых. Работы кончают в 3 или 4 часа дня, а спать еще рано, разговаривать не о чем, делиться нечем, все знают о каждом порознь всю подноготную. Вот тут то и выступают на сцену сказочники и старинщики, которых, говорили мне, нарочно старается всеми мерами залучить в артель составляющий ее староста. В хорошем старинщике на осеновьях такая потребность, что старинщики пользуются некоторыми преимуществами в совершенно равноправной артели. Старинщику, например, не поручают особенно трудную часть работы, и они делают в артели то, что обыкновенно исполняют малолетние и подростки, пользуясь, однако, совершенно одина-

ковым паем с остальными членами артели. При разделе добычи старинщику, особенно угодившему своими стараниями артели, возможно дается и лучшая часть добычи. О частых угощениях старинщиков особенными любителями старин в артели я уже не говорю: старинщика возможно стараются угостить «алабышами», а алабыши старинщику, не в пример прочим, особенно жирно мажут маслом, чтобы голос был звонче и катился бы маслянее, а старинщик охотнее и лучше пел бы старинны». По единогласному свидетельству всех собирателей былин, рыбный промысел служит одним из самых главных средств поддержки пения былин на Севере, он же служит удобной обстановкой для перенимания былин одним сказителем у другого. На Белом море «на лето многие крестьяне уезжают ловить семгу, в промысловые избушки, рассеянные на берегу моря в нескольких верстах одна от другой, и живут совершенно отдельно по трое, иногда даже без женщин. Сидя по несколько часов сряду в ожидании улова, промышленники имеют возможность перенять друг от друга громадный запас старин, «сказывание» которых разнообразит их невольный скучный досуг». (Марков.)

Помимо рыболовного промысла, пению былин содействуют и некоторые другие северные промыслы, как, например, охота на зверей, «когда охотники, обыкновенно двое, отправляются на неделю, на две в лес и там живут в избушках»,— или рубка леса, куда уходят также целой артелью и живут долго в

лесных избушках. Пение былин также обычно во время какой-нибудь другой ручной однообразной работы. Былины и здесь являются хорошим средством скоротать время, облегчить труд, сделать его менее заметным. Особенно благоприятствует пению былин широко распространенное среди северян ремесло, связанное с их рыбными промыслами: это плетение сетей и других рыболовных снастей. Большинство сказителей занимается этим делом.

Очень часто среди хороших сказителей встречаются лица, занятые портняжным, сапожным или подобным ремеслом, по самому своему характеру способствующим «сказыванию» длинных, медленно поющих былин. Портные, сапожники, валенщики на Севере, это—бродячий люд, переходящий из одного селения в другое, из одной избы в другую. Им приходится знакомиться с разными людьми, многое узнать и услышать, многому поучиться. Поэтому вполне понятно, что такие сказители знают немалое количество былин и сказок.

Однако пение былин отнюдь не является уделом бродячих, бездомных людей, в роде того, как пение духовных стихов большею частью находится в руках странников, нищих, калек-перехожих. Правда, среди сказителей нередко можно встретить и этих последних, но большею частью былины поются людьми исправными, хозяйственными и даже, по крестьянству, сравнительно достаточными. Сказители эти поют не из-за какой-нибудь выгоды, а по охоте, из глубокой любви к искусству.

«ОСОБЕННЫЙ ТАЛАНТ»

Вообще пение былин в тех местах, где они еще живут полною жизнью, не представляет из себя какого-нибудь простого ремесла, а является делом личного увлечения, глубокого интереса, делом достойным, почетным. Важно отметить, что былины поются строгими и разборчивыми в отношении песен старообрядцами. Пение былин, в противоположность другим песням, разрешается петь даже и в великий пост. Настолько серьезно и почитательно отношение северян к этим произведениям. Сказители на Севере пользуются большим уважением и почетом, «старинщики пользуются,—говорит Ончуков,—на низовой Печоре уважением среди сельчан, их считают особенно развитыми, наделенными какой-то особенной способностью, даром, которым, пожалуй, можно и гордиться. И слова: «о, он сказитель»,—служат большой похвалой».

То же подтверждает и Марков. «Уважение крестьян к старинам и сказителям настолько известно, что я не считаю нужным на нем останавливаться. Отмечу только то, что крестьяне считают знание былин признаком талантливости и как бы образованности. Один старик говорил о себе и нескольких других крестьянах, не знавших былин: «Вот мы никуда не ходимся, ничему не учились—никакого проку в нас нет». «Надо,—говорят олонецкие крестьяне, человека с особенным талантом, чтобы старины сказывать» (Барсов). И это безусловно так. Знание былин требует такой исключительной памяти,

такого искусства сказывать бесконечно длинные былины, не перевирая их содержания и выдерживая полагающийся музыкальный напев, что этот дар, конечно, присущ не каждому человеку. А ведь есть искусные сказители, которые знают целые десятки разных былин с различным содержанием, каждая былина может далеко переходить за тысячу стихов, так что иной хороший сказитель держит в своей памяти в общей сложности десятки тысяч стихов. Для этого требуется поистине исключительная память. Значение ее при пении былин станет для нас еще более понятным, если мы примем во внимание, что сказители былин стремятся как можно бережнее отнестись к содержанию заученной им былины. «Сказители,—говорит Гильфердинг,—избегают, за редкими исключениями, сочинительства. Они бережно сохраняют раз воспринятую былинку. «Так поется» или так «певали старики, а что значит, мы не знаем»—вот обычный ответ по поводу непонятных слов и выражений в былинах». Сказительница былин с Белого моря Аграфена Крюкова прямо говорила, что проклят будет тот, кто позволит себе прибавить или убавить в содержании старин. Для того, чтобы обладать такой поразительной памятью, нужно, чтобы эта память была свободна, не заграждена книжным учением. Отсюда понятно, что большинство сказителей люди неграмотные. Так, собиратель Гильфердинг из 70 сказителей, которых он прослушал, только пятерых нашел владеющими грамотой, а из 11 сказителей,

с которыми имел дело Марков, грамотных оказалось всего двое. Но одной памяти недостаточно, не в меньшей мере нужен еще особый талант, чтобы быстро перенять, усвоить новую, неизвестную сказителю былину. Обыкновенно былина заучивается, «перенимается» еще в детском возрасте, когда умственная восприимчивость гораздо сильнее. Большинство сказителей действительно перенимали былины с детства, однако, заметим, что если былины заучиваются в детстве, то сказывание их для других почти всегда производится больше людьми великовозрастными, главным образом, почтенными старцами. Впрочем, нередко былины заучиваются в пожилом возрасте. Иногда сказитель проявляет прямо удивительную восприимчивость. Так, старинщик Петр Поздеев, спевший собирателю Ончукову старин более чем кто-либо, так заинтересовался его работой, что приходил к нему и тогда, когда старины пели другие. «Однажды у меня, — рассказывает этот собиратель, — сказитель Дуркин пел старину о Луке и Змее, а Петр Поздеев был тут, и старина ему очень понравилась. Увидавшись со мной через несколько дней, он со смехом заявил мне, не хочу ли я от него послушать новую старину о Луке и Змее. Оказывается, что он, прослушавши раз, запомнил старину, а когда ездил в лес за дровами, попробовал спеть и спел всю от начала до конца. А Поздееву 65 лет!» Такие же лица встречались и другим собирателям. Гильфердинг приводит такой, поразивший его, случай. Одна из

сказительниц былин Матрена Меньшикова пропела ему от начала до конца сербскую песню про Пову и Мару в переводе поэта Щербины. Это тем более удивительно, что сказительница неграмотная, значит, она уловила эту непонятную для русского уха по своему складу песню, услышав ее из чтения ее кем-нибудь грамотным по книжке. «Сказительница в состоянии была пропеть всю сербскую поэму так же плавно и без запинки, как какую-нибудь родную былинку». О том, как быстро иной раз может быть заучена даровитым сказителем былина, говорит, например, еще и такой случай. Один сказитель Олонедкой губернии Нигозеркин, 40 лет, «понял» былины, раньше никогда не певав их, у заехавшего к нему переночевать старичка крестьянина из Кенозера.

ЗНАМЕНИТЫЕ СКАЗИТЕЛИ

Вот мы и подошли к последнему из знаменитых сказителей. Это был человек, который не только рассказывал сказки, но и писал их. Его имя — Иван Иванович Крылов. Он родился в 1769 году в семье священника. С детства он проявлял необычайные способности. Уже в раннем возрасте он начал писать стихи и прозу. Его произведения были очень популярны среди современников. Крылов был не только талантливым писателем, но и блестящим оратором. Он выступал с речами на различных собраниях и в публичных местах. Его речи были полны юмора и сатиры, что вызывало восторг слушателей. Крылов оставил после себя множество произведений, которые до сих пор остаются популярными. Его сказки и рассказы являются классикой русской литературы. Он был одним из самых выдающихся представителей русской культуры XVIII и XIX веков.

Сказители былины, как мы сказали, люди, большею частью, старые. Нередко среди них встретишь и совершенно древних, хотя и бодрых стариков. Известный сказитель Трофим Рябинин умер 90-летним стариком. Учитель Рябинина былинам был еще более знаменитый сказитель Илья Елустафьевич, умерший в 20—30 годах прошлого века также 90-летним стариком.—Так что это был сказитель XVIII в.! Такое необыкновенное долголетие составляет замечательную особенность многих жителей Севера.

«Здесь,—говорит Барсов,—отец семейства часто видит не только внучат, но правнучат и праправнучат. И теперь живут здесь «великие старикища» лет сто и больше. Мы сами видали в Олонецком крае старика 130 лет.

В прежнее время народ был еще шире, могущее и кряковистее. Итак, стоит только представить десять таких долговехих старикищ в крестьянских поколениях, и для нас станет ясно, как легко могли сохраняться и дойти до нас самые древние стародавние сказания».

Очень часто былины передаются семейным путем от отца к сыну или ко внуку, или другому члену семьи. Но как всюду, так и в искусстве пения былин есть великие мастера своего дела. Поэтому вполне понятно, что любители старин, сказители, с любовью и вкусом относящиеся к былинам, стараются учиться былинам у лучших мастеров этого дела, у наиболее искусных сказителей. Слава о хорошем сказителе часто рас-

пространяется на широкое пространство. Имя такого сказителя иногда гремит по округе не только на десятки, но и на сотни верст.

Собиратель Ончуков, подезжая к Усть-Цыльме, еще за три станции от нее услышал имена нескольких крестьян сказителей, в том числе и И. И. Горенки, хотя деревня, где он жил, была от станции по крайней мере 250 верст. Иногда же известность того или другого сказителя распространяется еще на большее пространство. Собиратель Марков, будучи в одном краю Архангельской губернии, записал там имена и фамилии сказителей, живших оттуда за много сот верст. Память об умерших знаменитых и наиболее славных сказителях остается долго жить среди местного населения. Таков был, например, уже упомянутый нами учитель Рябинина Илья Елустафьевич. Память о нем и теперь сохранилась в Нижской волости. Был он первый сказитель в целом Заонежье и во всей Олонецкой губернии. Знал он несчетное множество былин и мог петь про разных богатырей целые дни. Заонежцы любили слушать его и даже платили ему за сказывание. Соберется, бывало, сходка—мужики и говорят: «А ну, Илья Елустафьевич! спой-ка нам былину». А он наместо ответит: «Положи-тко полтину, я и спою былину». Тут кто-нибудь из богатых выложит ему полтину, и станет Илья Елустафьевич сказывать. Занимался он подобно Трофиму Григорьевичу Рябинину рыболовством и знание свое оставил, кроме Рябинина, Кузьме Романову и сыну своему Иеву. От этого Иева Ильича несколько былин перешло

в наследство внуку Ильи, Терентию Певлевичу». То же явление видим мы и в Печорском крае. Поются старины на Печоре многими, но учатся старине не от многих, а только от лучших певцов. На Пижме, например, все певшие Оичукову старину ссылались или на Васю Малого, из д. Абрамовской, или на умершую уже тетку Катю. «Иногда этот знаток старин служит учителем целого поколения и целой кучки деревень, не связанных между собою никаким родством».

Среди сказителей в Олонецком крае сохранилась память о слепом калеке Петре Степановиче Мещанинове из Каргопольского уезда, который знал 70 былин. По словам сказителя Рябинина, в начале прошлого века жил некий Игнатий Иванов, превосходивший по знанию былин самого Илью Елустафьевича и считавшийся лучшим певцом былин во всем крае. Барсов рассказывает, что в 18 веке в Кижской волости Олонецкой губернии приобрел громадную известность пением старин крестьянин деревни Карташовой Михайло Слепой, гусельщик. Старики помнят его до настоящего времени. Он умер 75 лет назад, т. е. в конце 18 века. Рассказывают, что он был человек «обделистый», ходил по монастырям и знал много старин и присказок: «Этакого, говорят, певца с гуслями да и не будет еще 100 годов, а память Михайлы не забудется». Пришел он однажды в Питер к одному генералу — милостынки просить, чтобы родителей помянуть. Генерал наскоро встал с канапели (т. е. с дивана) и по щеке ему дал: «Вот тебе, говорит,

и на поминок». Михайло благодушно принял эту милостыню и отправился дальше с своим товарищем, но генерал вдруг оборотил их к себе: «Ай же, вы, псы, говорит, что вы знаете? — Мы знаем песни петь, старины сказывать, на гуслях играть с припевками».

«Генерал продержал их у себя три недели, с дому не спускал — это было во время маневров, — сам он писался болен и все старины слушал да игру на гуслях, а когда отпустил из дому, дал им по халату. Сын Михайлы хозяйствовал в Петербурге, вышел там в купцы, дознался и вывез отца — не дал больше ходить по Питеру, но Михайло помер в деревне, в Питере не мог жить, не по душе ему было».

С К А З Ы В А Н И Е С Т А Р И Н

...

...

Сказывание» старин-былин, действительно, производит большое впечатление. Здесь перед слушателями медленно, не спеша, развертывается интересное повествование о замечательных подвигах богатырей, о делах давно минувших лет. Сила художественного впечатления увеличивается так подходящим к содержанию былины ее спокойным, мерным напевом. Напев этот большею частью прост и однообразен, но это однообразие напева не только не мешает художественности былины, но настраивает слушателя на нужный лад, дает ему возможность целиком погрузиться в слушание старины стародавней.

Неизгладимое впечатление оставляет пение былин на тех, кто любит родную песню, кого способны волновать звуки родной старины. Вот как описывает свое первое впечатление от пения былины собиратель Рыбников:

«Я улегся на мешке у тощего костра, заварил себе чаю в кастрюльке, вынул и поел из дорожного запаса и, пригревшись у огонька, незаметно заснул. Меня разбудили странные звуки: до того я много слышал и песен и стихов духовных, а такого напева не слышал. Живой, причудливый и веселый, порой становился быстрее, порой обращался ладом своим и напоминал что-то стародавнее, забытое нашим поколением. Долго не хотелось проснуться и вслушаться в отдельные слова песни: так радостно было оставаться во власти совершенно нового впечатления. Сквозь дрему я рассмотрел, что шагах в трех от

меня сидит несколько крестьян, а поет-то седой старик, с окладистой белой бородою, быстрыми глазами и добродушным выражением на лице. Присевшись на корточках у потухавшего огня, он оборачивался то к одному соседу, то к другому и пел свою песню, перерывая ее иногда усмешкой. Кончил напев и начал петь другую песню: тут я разобрал, что поется былина о Садко-купце, богатым госте. Разумеется, я сейчас же был на ногах, уговорил крестьянина повторить пропетое и записал с его слов. Стал расспрашивать, не знает ли он еще что-нибудь. Мой новый знакомый Леонтий Богданович из деревни Середки, Кижской волости, пообещал сказать мне еще много былин. Много я впоследствии слышал редких былин, помню древние превосходные напевы, пели певцы с отличным голосом и мастерски, а, по правде скажу, не чувствовал уже никогда того свежего впечатления, которое произвели былины, пропетые разбитым голосом старика Леонтия на Шуй-Наволоке».

Так способно заразить своей поэтической и музыкальной красотой пение былины человека заезжего, чуждого крестьянской среде и быту. Тем большее впечатление оставляет оно на слушателей-крестьян, которые срослись с этим искусством, которое близко и дорого им с детских лет. Ученая путешественница по нашему северу В. Н. Харузина дала следующее прекрасное описание того впечатления от пения былины в Олонецкой губернии, какое производило оно на местных крестьян-слушателей.

«В Буракове жил певец былин Никифор Прохоров, по прозванию Утка. «Порато (очень) хорошо поет старинку,—говорили нам про него,—а если рюмочки две для голоса выпьет—совсем хорошо будет петь». «Вот едет Утка, едет»,—радостно кричали нам, указывая на лодку, везущую певца, которая быстро ныряла по серым волнам озера. Наши хозяева не менее нас ожидали удовольствия послушать пение былин. «Просят, нельзя ли притти послушать в горенку к тебе»,—спросил брата большак от имени других мужиков, собравшихся при вести о прибытии певца. День был воскресный—и народу в деревне много. Горница быстро наполнилась народом. Впрочем, пришли пожилые мужики, молодых парней было мало... Сели на лавках, на кровати, жались в дверях. Вошел Утка, невысокого роста старик, коренастый и плечистый. Седые волосы, короткие и курчавые, красиво обрамляли высокий лоб, редкая борода клинушкой заканчивала морщинистое лицо с добродушными, немного лукавыми губами и большими голубыми глазами. Во всем лице было что-то простое, детски беспомощное. Почваившись немного, Утка, ободряемый присутствующими, решился выпить рюмочку для голоса. «Про кого же петь старину тебе»,—спросил он, сбрасывая с себя толстый, теплый армяк и откидывая немного назад свою голову. «Записывать станешь.» Старик уже пел былины Гильфердингу. Утка откашлялся—все тотчас замолчали. Утка далеко откинул назад свою голову, потом с улыбкой обвел взглядом всех присутствующих и, заметив в них

нетерпеливое ожидание, еще раз быстро откашлянулся и начал петь. Лицо старика-певца мало-помалу изменялось, исчезло все лукавое, детское и наивное. Что-то вдохновенное выступило на нем: голубые глаза расширились и разгорелись, ярко блестели в них две мелкие слезинки, румянец пробила сквозь смуглость щек, изредка нервно подергивалась шея.

Он жил со своими любимцами-богатырями, жалея до слез немощного Илью Муромца, когда он сиднем сидел 30 лет, торжествовал с ним победу его над Соловьем Разбойником. Иногда он перерывал себя, вставляя от себя замечания. Жили с героем былины и все присутствующие. По временам возглас удивления невольно вырывался у кого-нибудь из них, по временам дружный смех гремел в комнате. Иного прошибала слеза, которую он тихонько смахивал с ресниц. Все сидели, не сводя глаз с певца, каждый звук этого монотонного, но чудного, спокойного мотива ловили они. Утка кончил и торжествующим взглядом окинул все собрание. С секунду длилось молчание, потом со всех сторон поднялся говор.

—«Ай да старик, как поет; ну уж потешил, недаром для голоса выпил.»

Утка улыбался, лицо его приняло опять обычное выражение.

—Пожалуй, и сказка все это,—нерешительно проговорил один мужик.—На него набросились все.

—Как сказка? Ты слышишь, старина это. При ласковом князе Владимире было.

— Мне во что думается: кому же под силу—вишь ведь, как он его.

— На то и богатырь—ты что думаешь. Не то, что мы с тобой—богатырь. Ему что! Нам невозможно, а ему легко, разясняли со всех сторон.

— Ну да что толковать тут. Старик, спой-ка лучше еще старинку какую-нибудь.

Вмиг воцарилось молчание, через минуту снова раздалась своеобразная мелодия.

— Сказитель пришел из Мелентьева—послушать его не изволишь ли,—доложили брату. Сказитель был старик высокий и худой, с длинными белыми волосами, с приветливым и умным лицом. Держался он спокойно и чинно. Он был старовер и поэтому сдержанно и с достоинством отказался от водки. Утка немного напряженно поздоровался с ним, он знал, что дело идет теперь о том, кто из них удостоится большего одобрения слушателей. Старик из Мелентьева пожал его руку, сел на скамью и, прислонившись к стене, начал рассказывать. Сказитель знает те же былины, как и певец «старинны», но у него нет голоса, нет умения петь их—и он их рассказывает. Мерно и плавно, былинным слогом лилось повествование о Добрыне и о жене его Настасье Микулишне из уст Мелентьевского сказителя. Он ни разу не остановился, ни разу не пришлось ему подыскивать ускользнувшее из памяти слово. Спокойно глядел он на окружающих старческим взглядом. Утка волновался, хотя и старался скрыть свое волнение. Он сложил руки на коленях и притворно спокойно оглядывал комнату.

Торжествовать пришлось Утке.

— Хорошо говорит сказитель, нечего сказать, хвалили мужики.—А все же лучше старинку петь.

И Утке пришлось петь снова. Впрочем, и сказитель удостоился одобрения. Его просили также рассказывать, и очень хохотали над известной сказкой «Как мужик гусей делил».

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ

В художественных приемах, как и в любом другом искусстве, есть свои законы и свои правила.

Они не являются случайными, а являются результатом многолетнего опыта и практики.

Именно поэтому изучение художественных приемов является одним из важнейших элементов подготовки художника.

Вот почему в учебниках по искусству всегда уделяется большое внимание изучению приемов.

Именно так мы и будем изучать художественные приемы в этом учебнике.

Наша задача — не только рассказать о приемах, но и показать, как они применяются на практике.

Для этого мы будем приводить примеры из произведений искусства и анализировать их.

Мы будем учиться видеть в произведениях искусства не только содержание, но и форму.

Мы будем учиться понимать, как и почему художники используют те или иные приемы.

Мы будем учиться применять эти приемы в своем творчестве.

Мы будем учиться видеть красоту и гармонию в произведениях искусства.

Мы будем учиться чувствовать и понимать искусство.

Мы будем учиться любить искусство и творчество.

Мы будем учиться быть художниками.

Мы будем учиться жить искусством.

Мы будем учиться творить искусство.

Мы будем учиться любить искусство и творчество.

Мы будем учиться быть художниками.

Мы будем учиться жить искусством.

Мы будем учиться творить искусство.

Мы будем учиться любить искусство и творчество.

Мы будем учиться быть художниками.

Мы будем учиться жить искусством.

Мы будем учиться творить искусство.

Мы будем учиться любить искусство и творчество.

Мы будем учиться быть художниками.

Мы будем учиться жить искусством.

Мы будем учиться творить искусство.

Мы будем учиться любить искусство и творчество.

Мы будем учиться быть художниками.

Мы будем учиться жить искусством.

Мы будем учиться творить искусство.

Мы будем учиться любить искусство и творчество.

Мы будем учиться быть художниками.

Мы будем учиться жить искусством.

Мы будем учиться творить искусство.

Мы будем учиться любить искусство и творчество.

Мы будем учиться быть художниками.

Мы будем учиться жить искусством.

Мы будем учиться творить искусство.

О становим несколько наше внимание на тех художественных приемах, к которым прибегают сказители при исполнении своих прекрасных «старин-былин».

Послушайте, да люди добрые,
Я ли вам старину скажу,

Старину скажу да стародавнюю—

так начинает сказитель некоторые былины и этими словами заставляет слушателя сосредоточить внимание на дальнейшем повествовании и отрешиться от окружающей его повседневности. Эти «зачины» — начала былин — достигают часто высокой художественности, с первых же звуков создающих у сказителя и слушателей высокое настроение. Некоторые былины начинаются с такого прекрасного запева, открывающего такую ширь и даль, что слушатель невольно забывает все окружающее и весь отдается обаянию художественного вымысла:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубина—глубина океан-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты днепровские.

Или сказитель, прежде чем начать самый рассказ, чтобы сосредоточить внимание слушателя, нарисует в его воображении величественную картину «выхода» истока матушки—широкой Волги реки, столь близкой и родной всякому русскому человеку.

Из под беляя березки кудреватя,
Из под чудна креста Леванидова,
Из под святых мошей из под Борисовых,

Из под белого латыря-каменя
Тут повышла, повышла, повибежала,
Выбегала-вылежала матка Волга река,
Широка матка-Волга под Казань прошла,
Пошире того она ручьев пожрала,
Давала плеса она Далинские,
А горы—долы Сорочинские,
А место шла она три тысячи,
А выпала Волга в море Черное.
Да устьев пустила ровно семьдесят.
Широк перевоз да под Новым Градом,
Все это, братцы, не сказочка,
А все это, братцы, прибауточка.
Теперь то Добрынюшке зачин пошел.

И дальше былина повествует обычно о том, как:
Во стольном городе было во Киеве,
Да у ласкова князя у Владимира,
Был то у него почетный пир,
А как все на пиру то были собораны,
Все были все князья, все бояре,
А все сильнии могучие богатыри,
Да все тут поляницы удалые.
Они все были за столы посажены,
Всем были кушанья положены,
Да как все они сидят да пьют, хлеба кушают,
Потешаются да похваляются:
А как умный хвастает отцем, матерью,

* Вместо Каспийского. Подобного рода путаницы названий в былинах не редки.

А безумный—молодой женой,

А худой—молодой неудачливой.

На таком пиру обычно или князь дает поручения богатырям, или получается весть о нашествии на Святую Русь какого-нибудь насильника, или происходит ссора богатырей с князем и друг с другом, или здесь происходит выбор поединщика. Медленно, не спеша, развертывается дальнейшее повествование. Подробно останавливается сказитель на особенно нравящихся ему подробностях. обстоятельно, со всеми подробностями опишет сказитель, как богатырь, прежде чем выехать на боевой подвиг, оседлывает своего коня:

Он добра коня заседлывал,

На коня накладывает потничек,

Потничек то он кладет шелковенький,

А над потничек подпотничек,

На подпотничек седельшко черкасское,

Черкасское седельшко недержано,

Подтягивал двенадцать тугих подпругов,

Тринадцатый для ради крепости,

Чтобы в чистом поле конь с седла не
выскочил,

Добра молодца в поле не выротил,

А стремяночки подкладывал булатные,

Пряжечки то красна золота,—

Да не для красы, угожества,

Ради крепости все богатырской.

Шелковы подпруги тянутся, не рвутся,

Да булат железо гнется, не ломается,

Пряжечки то красна золота,

Они мокнут да не ржавеют.

И садится богатырь на добра коня,

Видели добра молодца сядучи,

Да не видели удалого поедучи.

И сколько бы раз богатырю в течение былинного повествования ни пришлось бы садиться на коня, всякий раз хороший певец будет вставлять в рассказ это же самое буквально в тех же словах подробное описание седлания коня. Точно также почти в каждой былине сказитель по нескольку раз споет о том, как тот или другой богатырь приезжает на широкий двор к князю, царю или какому другому лицу:

Привязывает добра коня

У того ли столба у точеного,

У того ли кольца золоченого,

Заходил в палаты белокаменные,

Крест кладет да по писаному,

Поклон ведет да по ученому,

Бьет челом да покланяется

На все четыре стороны,

А князю Владимиру в особицу.

Подобно приведенным описаниям, у сказителя в памяти имеется уже ряд других совершенно готовых, всегда одинаково повторяемых и вставляемых им в разные былины, описаний и других действий и поступков героев, как они бьются, стреляются из лука, побивают войско, выхватывают невесту.

КАК ВЫРАЖАЕТСЯ В БЫЛИНЕ ЛИЧНОСТЬ СКАЗИТЕЛЯ?

Вопрос о том, как выражается в былинах личность сказителя, является одним из наиболее актуальных в современной фольклористике. В последние десятилетия в отечественной науке сложилось понимание былин как произведения народного творчества, в котором отражены не только общественные настроения и идеалы, но и индивидуальность создателя. Однако до сих пор не существует единого мнения о том, как именно личность сказителя проявляется в былинном тексте. Одни исследователи считают, что личность сказителя выражается в выборе сюжетов, в манере повествования, в использовании определенных языковых средств. Другие же полагают, что личность сказителя проявляется в том, как он интерпретирует традиционные сюжеты, в том, как он добавляет к ним свои собственные детали и образы. В данной работе мы рассмотрим различные подходы к изучению личности сказителя в былинах и попытаемся выявить основные признаки, по которым можно определить индивидуальность создателя произведения.

Все это нам до известной степени объясняет, почему «старинщики»-сказители могут помнить необычайное даже для исключительной памяти количество стихов. В их распоряжении имеется запас указанных сейчас готовых заученных описаний, картинок, готовых «зачинов», которые они переносят из одной былины в другую, повторяют по нескольку раз в одной и той же былине. Все это, конечно, облегчает усвоение и запоминание длинных былинных песен и уясняет нам самый способ этого усвоения. Сказитель не то что выучивает новую старину. Нет! Он запоминает ее основное содержание, а затем, когда сам начинает петь ее, он расцвечивает повествование уже ранее знакомыми ему обычными вообще для былин описаниями, постоянными сравнениями и оборотами речи. Таким образом запоминание и исполнение былин не являются простым заучиванием. Здесь может проявиться, бессознательно для самого певца-сказителя, личность, его вкусы. Один певец будет употреблять наиболее им любимые выражения и описания, другой свои. Один будет сказывать былину с большим количеством повторений, другой с меньшим. Наконец, один сказитель будет петь былину одним напевом, другой может ее спеть другим. В конце концов может получиться так, что несмотря на указанное нами бережное отношение сказителей к «понятой» им былине, в нее бессознательно каждый певец внесет некоторые изменения от самого себя. Потому и оказывается часто, что былины, заученные двумя

певцами от одного и того же сказителя, в исполнении каждого из певцов окажутся при всем своем сходстве разными в величине и подробностях содержания. Даже больше того—нередко бывает так, что один и тот же певец в разное время пропоет былину по-разному: то вставит новые подробности, то соединит в одну былину две, некогда разных, как бы сольет их, то пропустит кой что или по забывчивости, или сознательно, то перенесет одного богатыря из былины в другую. Эти наблюдения показывают нам, что сказители не безучастно относятся к былинам, они сживаются с ними, невольно вносят в них отражения своих собственных переживаний, знаний и настроений. Таким образом на каждой былине при ближайшем рассмотрении окажутся следы личных отражений того или другого сказителя.

У набожного сказителя калики-Фепонова и богатыри оказывается набожными: они каждое дело начинают с молитвы и то и дело кладут кресты и поклоны. В былинах также набожного сказителя Щеголенка, хотя и неграмотного, оказывается много книжных церковных слов и выражений, так как он часто ходит в церковь и любит слушать, как читают церковные книги. Один из сказителей, долго бывший в услужении, любит останавливаться на том, как богатыри входят в прихожую, да и само действие былины он переносит туда. У другого сказителя—портного по ремеслу—в былине делаются сравнения из близкого ему мира. Так, голова Идолища Поганого

отлетает от удара Ильи Муромца—«будто пуговица». Отражается в былинах и самый характер, душевный склад сказителя. Два сказителя, Ивлев и Романов, научившиеся былинам от одного и того же Ильи Елустафьевича, внесли в те же самые былины каждый свои личные особенности. Ласковый добродушный Романов внес в певшиеся им былины столько ласковых выражений и особенных подробностей, каких нет у Ивлева. Почетный пир у него пированьице, солнышко—красное, он упоминает, что обе дочери у короля на выданы, что Дунаю поручается свататься добрым словом, что Добрыня Никитич для других добрый товарищ, что Дунай для короля прежняя слуга, слуга верная. Самые расспросы короля принимают у него мягкую форму: «Скажи, скажи, Дунай, не утай собою». Даже, когда король сажает Дуная в погреб, то в королевском наказе нет ничего злобного или грозного: «Пусть ко во Литве погостит, в погребу посидит, может, Дунай догадается». Между тем как у Ивлева король тут же выказывает «замашки неумильные». «Возьму ко я тебя за желты кудри, посажу я тебя во глубок погреб: пусть ко Дунай во Литве погостит, ти што Дунай об'умеется».

Вполне понятно, что в течение долгой жизни былины на Севере в эти старинные песни, сложенные первоначально, может быть, в совершенно другой местности, проникли через сказителей подробности северной природы и северной жизни. Чисто северная болотистая природа отражается в

следующих словах былины о том, как богатырский конь.

Мхи болота перескакивал,
Мелки озера промеж ног пускал.

Отражение северных рыболовных промыслов—ловли семги—видно хотя бы в следующем описании плавания Добрыни:

Еще мастер был Добрыня нырком ходить,
Он нырком мастер ходить да по семужьи.
Чисто бытовая черта сказалась, напр., в том, что Идолище Поганое летом едет в санях. Северянин, житель приморского берега, сказался в архангельских былинах еще тем, что в них чрезвычайно подробно и любовно описывается оснастка кораблей, их отчаливание, убранство и т. д.

СКАЗИТЕЛЬ—ИСТИННЫЙ ХУДОЖНИК

... и ...

Это еще более уверяет нас в жизненности былин на Севере, в глубоком вживании в них сказителей и личном их творчестве во время сказывания. Многие из выдающихся сказителей глубоко преданы своим «старинам». Они относятся к их исполнению, как настоящие артисты; в сказывании ими старин проявляется истинное вдохновение. Настоящие сказители стремятся научиться былинам у хороших, искусных певцов. Есть среди них такие любители народной словесности, что сами готовы угостить и заплатить даже деньги, только бы послушать и поучиться. Мезенская сказительница А. В. Петрухова отличается своей любознательностью и понятливостью. Она сама очень любит старины, сказки и другие произведения народной словесности, вследствие чего платила знатокам деньги, чтобы они ей пели и рассказывали.

Иногда у местного населения жажда послушать хорошего сказителя или сказочника такова, что приходится чуть ли даже не прибегать к некоторым мерам насилия, чтобы заставить такого художника поделиться своим поэтическим даром.

Однажды на Кедах, в Архангельской губернии, в одной избушке крестьяне пристали к славившемуся своим искусством петь сказителю Прокопию Шуваеву, чтобы он спел какую-нибудь старину. Но он обещал пропеть ее в том случае, если другой живший в этой деревне сказитель, Егор Сем. Тобуев, расскажет ему сказку про Франца Левициана. Егор Тобуев жил в другой избушке. Пошли за ним и позвали его

в свою избу, ничего не говоря о цели зова. Когда он вошел в избу, с него сняли сапоги и заставили рассказывать про Франца Левициана. Делать было нечего. Он рассказал. Тогда и Прокопий Шуваев пропел старину про Батя Батеевича.

Печорский сказитель Петр Родионович Поздеев так привык к собирателю былин Ончукову за два лета, так заинтересовался его работой, что не только сам охотно ему пел все, что знал, но и очень любопытствовал, как это делают другие. Иногда в будни, а в праздники всегда, приходил он к собирателю послушать чужих старин. Очень часто эта любовь к старинам проявляется еще с детства. Олонецкий сказитель Никифор Прохоров, по его словам, живя в мальчиках-пастухах у одного барина, большого любителя старин, прислушивался к пению старика, который сиживал обычно у барина, услаждая его былинами. Когда и не было барина, мальчик-пастух приставал к старику, чтобы тот спел ему что-нибудь.

К своим старинам сказитель относится далеко не безучастно. Мы видели выше, что существование былин на Севере соединено с верой в правдивость и в возможность на самом деле того, о чем поется, и с сочувствием как певца, так и слушателей к былинным героям.

Нередко пение былин сопровождается замечаниями и восклицаниями слушателей, а то и самого сказителя; так сказительница Л. Каменева любит петь и верит в воспеваемые подвиги богатырей, сопровождая

свои былины замечаниями, в роде такого: «вот какие богатыри бывали доселе».

Некоторые сказители так глубоко вживаются в былины, содержание их так им близко, что с былинными событиями и лицами эти сказители связывают свои собственные переживания. Печорская сказительница Федосья Чуркина при пении старины о Скопине часто плакала, невольно сравнивая Скопина с родным своим, самым младшим сыном, служившим в солдатах в Петербурге. Замечательная сказительница с реки Пинеги, Мария Дмитриевна Кривополенова, о которой мы будем говорить дальше, настолько близко принимала к сердцу былину о том, как князь Роман жену терял, что от волнения и слез не могла ее в последнее время петь. Слишком ярко напоминала ей эта былина недавнее печальное событие—смерть ее семейной дочери. Сказитель Вас. Д. Шишолов, который сдается каким-то затаенным, гложущим горем, в пении старины о Чуриле влагал большое искреннее чувство, применяя содержание былины к своей доле; при пении голос его дрожал, и сказитель несколько раз всхлипывал.

Несмотря на то, что для мало привычного слуха былины кажутся поющимися в общем однообразно, разделяясь по напевам всего на несколько типов, тем не менее они бесконечно будут различаться, в зависимости от того, каким они певцом исполняются. Сказители, это—часто, истинные художники-артисты. Здесь широкое поле для проявления дарования, талантливости, личных вкусов и приемов исполнения.

Одни сказителю поют былину высоко художественно, другие посредственно, а то и совсем плохо. Одни певцы вкладывают в свое исполнение глубокое чувство, другие поют более бесстрастно. Наконец, одни певцы наделены приятным голосом, других природа или старость лишила красоты звука.

Так, например, по определению Гильфердинга, сказитель Калинин поет былины не очень приятно, но весьма складно, строго соблюдая стихотворный размер. Прохоров же, хотя поет довольно складно, но не выдерживает размера, и иные стихи у него как бы обрываются. Сказитель Паромский—один из лучших олонедких певцов, но про него нельзя сказать, чтобы исполнение было так изящно, как у Рябинина, Калинина и некоторых других сказителей. Архангельский сказитель Чунов, несмотря на старческий надтреснутый голос, поет былины с такой задумчивостью, что его пение в связи с интересным напевом производило захватывающее впечатление. Один из хороших сказителей на Белом море, Пономарев, поет старины сильным, приятным голосом—свободно, легко, не подыскивая выражений. Отличаясь непомерным, как труба, голосом, Анисим Вокуев с Печоры поет им и старины. Поет, впрочем, складно, прекрасным напевом. Зато другой Печорский сказитель, отличающийся тихими немного льстивыми речами, старины свои сообщал собирателю как-то таинственно, после усиленных просьб, точно рассказывал какую-то тайну, которая только что случилась у него «в соседях».

ОЛОНЕЦКИЙ СКАЗИТЕЛЬ Т. Г. РЯБИНИН

Одним из знаменитых сказителей Озонецкого края является Трофим Григорьевич Рябинин. Имя его хорошо известно в науке; так как у него производили свои записи замечательные собиратели былин П. Н. Рыбников в 1860 г. и А. Ф. Гильфердинг в 1871 году. Они оставили нам собранные ими сведения о жизни и личности даровитого сказителя.

Трофим Григорьевич родился еще в конце 18-го века в 1791 г. Родом он из деревни Гарниц Сенегубского прихода, недалеко от Кижей. Отец его был убит на войне со шведами, когда Рябинин был еще совсем малым ребенком. Через год после смерти отца умерла и мать. Трофим Григорьевич остался круглым сиротой. На воспитание его взял к себе «православный мир». Когда Тр. Григорьевич подрос, то, чтобы не быть в тягость людям, он принялся за самостоятельную работу: стал ходить по окрестным деревням и починять сети, ловушки и другие рыболовные снасти.

Во время этих занятий ему приходилось работать вместе с упоминавшимся нами не раз, прославившимся олонецким сказителем Ильей Елустафьевичем. От этого певца и «попаял» свои старины Трофим Рябинин. Другим его учителем в пении былин был его дядя Игнатий Иванович Андреев, который, по словам Рябиница, был самым лучшим певцом былин в крае и даже превосходил Илью Елустафьевича. К этому дяде Трофим Рябинин в 1812 году поступил в работники. Деревня Гарницы отличалась мастерством

петь былины. В доме Игнатия Андреева жил его зять Василий Софронович Сарафонов — тоже искусный сказитель. В той же деревне жил старик Завьялов, умерший в начале 19 века, у которого еще в детстве Трофим Рябинин слушал былины. Вообще Трофим Григорьевич не пропускал случая, чтобы поучиться былинам у сведущих людей. Помимо указанных лиц, учителями Рябиница были старик Иван Кокойкин, проживший до 100 годов, и крестьянин Трепалин.

24 лет Трофим Григорьевич женился и перешел на жительство к тестю в дер. Середку, Кижской волости, где с тех пор и прожил всю свою жизнь, занимаясь хлебопашеством и рыбной ловлей. На рыбные промыслы ему приходилось иногда уходить далеко. Так, он раз 40 на своем веку ходил с другими крестьянами на Ладожское озеро.

Как хозяин Рябинин отличался исправностью и сравнительным достатком. У него было четыре сына, из которых двое были убиты на войне, а двое жили при отце в деревне. Им он передал свое знание былин. С одним из них Иваном Трофимовичем мы познакомимся дальше.

Собиратель Рыбников познакомился с Трофимом Рябининым, когда тому было 65 лет. Он произвел на него впечатление гордого, упрямого, с чувством своего достоинства, старика. Послушаем самого Рыбникова, рассказавшего в своей интересной «заметке собирателя» про свое первое знакомство с Трофимом Рябининым.

«Есть у нас два таких сказителя,—говорил мне в тот же вечер сказитель Богданов,—что супротив их не будет в целом Заонежье. Один, Кузьма Иванов Романов, живет в деревне Лонгасы, в Сенногубском погосте, а езды к нему отसेлева на полчаса времени; другой, Трофим Григорьевич Рябинин, из нашей деревни Середки. Свези-ка меня завтра же к Рябинину». — «Нет, Н. П., мне по утру не свободно, да и надо сначала мне к нему наведаться: мужик он гордый, так ты от него ничего не добьешься».

Леонтий ушел рано из дому; воротившись домой к пабедью, объявил, что Рябинин придет сегодня же к нему в избу. Днем я бродил по деревне и пере-знакомился со многими однодеревенцами Леонтия, а вечером они целой гурьбой пришли к нам в гости. Стали они мне передавать разные местные предания о панах, о Петре Великом, как через порог избы переступил старик среднего роста, крепкого сложения, с небольшой седою бородою и желтыми волосами. В его суровом взгляде, осанке, поклоне, поступи, во всей его наружности с первого взгляда были заметны спокойная сила и сдержанность. — «Вот и Трофим Григорьевич пришел»,—сказал мне Леонтий. После обычного обряда знакомства я рассказал Рябинину про свою любовь к старинным песням и стал убедительно просить его спеть о каком-нибудь богатыре. — «Негоже нонь сказывать мирские песни—отвечал он мне,—ноне пост: надо бы стихи петь». Тут как сумел я объяснил ему, что если не грех стихи петь, так и не грех былины сказывать.

Или Рябинина убедили мои доводы, или ему самому захотелось развернуть свое умение перед внимательным и сведущим слушателем, только он тут же стал сказывать о Хотене Блудовиче. Он выговаривал былину пословесно, я записывал нарочно не перерывая, а когда он кончил, я попросил его спеть и по петому поправил свою запись. Напев былины был довольно однообразен; голос Рябинина, по милости его шести с половиной десятков лет, не очень звонок, но удивительное умение сказывать придавало особенное значение каждому стиху. Не раз пришлось бросить перо, и я жадно прислушивался в течение рассказа, затем попросил Рябинина повторить пропетое и он нехотя принимался пополнять свои пропуски. И где Рябинин научился такой мастерской дикции: каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово имело свое значение».

«Гордый был Трофим Григорьевич. Вероятно, из той же гордости,—говорит Рыбников,—Рябинин не сразу поддался на приглашение Леонтия сказывать перед приезжими. Впоследствии, несмотря на мои усиленные просьбы, не согласился ничего взять с меня за науку. Когда я на расставании подарил его большухе платок, то он сейчас же меня отблагодарил шитым полотенцем и счел нужным объяснить как прием подарка, так и свое одарение: «Когда Павел Николаевич, приятели расстаются надолго, то у нас в обычае дарить друг другу на память даровья». «Слово гордость,—объясняет Рыбников,—не исчерпывает характера Рябинина: к ней присоединяется

деликатность, так что это свойство в нем следует назвать уважением к самому себе и другим».

Наглядным подтверждением этому может служить следующий случай из жизни нашего сказителя.

Один из полицейских чиновников прежнего времени попросил с него взятку за какое то дело, Рябинин не дал. И случилось чиновнику этому проезжать через деревню Середку, где жил Рябинин. Как он завидел Рябинина, так и бросился к нему с поднятыми кулаками, Трофим Григорьевич спокойно отстранил его прочь от себя и заметил ему суровым голосом: — «Ты, ваше благородие, оставь, я по этим делам никому еще должен не оставался».

Симпатичное впечатление произвел Трофим Григорьевич и на Гильфердинга, познакомившегося с ним, когда ему было 78 лет, но седины у него еще не было и сам выглядел еще бодрым стариком.

Переняв у даровитых своих земляков умение петь былины, Трофим Григорьевич Рябинин сам сделался выдающимся и знающим сказителем.

Рыбникову удалось записать у него 23 былины, содержащих в сложности около 5000 стихов. Гильфердинг же через десять лет после этого записал у него, помимо сообщенных Рыбникову, еще несколько других былин. Впрочем, Рябинин к этому времени кое-какие былины, пропетые в свое время Рыбникову, уже позабыл.

Про кого только не пел Рябинин: и про Воьгу с Микулой, и про Илью Муромца, и Соловья Разбойника, про Калина даря, про ссору Ильи Муромца

с самим князем Владимиром, про Добрыню и Маринку, про бой Добрыни со змеем—длиннейшую старину в 1023 стиха, — про Добрыню и Василия Казимировича, про богатыря Дуная, как он добывал невесту князю Владимиру, про Ивана Гоудиновича, Хотена Блудовича и про многое другое.

Имя скромного сказителя из глухого олонецкого края, благодаря изданию записанных от него былин, стало хорошо известным среди просвещенных любителей народной поэзии. Ученое Географическое Общество в Петербурге выписало в столицу Рябинина, где петербургская публика могла непосредственно ознакомиться с представителем северных деревенских поэтов и насладиться прекрасным исполнением изумительных песен родной старины. Рыбников и здесь—в Петербурге—держался с неизменным своим достоинством и деликатностью.

Умер Трофим Григорьевич в глубокой старости 94 лет в 1885 году. Сын выразился об его смерти так: «уж очень древен был: ходил, ходил, так и помер благополучною смертью».

Свое знание старин Трофим Рябинин передал своему сыну Ивану.

В 1893 году Иван Трофимович Рябинин приезжал в Петербург, в 1895 году в Москву. Эти приезды, устроенные по приглашению ученых обществ, подобно посещению Петербурга его отцом Трофимом Рябининым, много способствовали поддержанию интереса к былинной поэзии.

«В свои пятьдесят лет,—писал составивший тогда о нем особый очерк Е. А. Лядкий,—Иван Трофимович выглядит гораздо моложе. В его русых волосах и бороде не просвечивает седина, серые глаза смотрят молодо, бодро и добродушно. Небольшого роста, одетый в поддевку старинного покроя, так называемую аязму, с тихой вдумчивой речью и неторопливыми движениями, он производит впечатление спокойного и рассудительного человека».

По религиозным своим убеждениям Иван Трофимович ревностный старообрядец. Он тщательно оберегает догматы своего вероисповедания, даже, согласно старообрядческому обычаю, в чужой дом ходил со своим стаканом.

Подобно своему отцу, Иван Трофимович являлся исправным хозяином и неутомимым работником. Детство свое он провел в деревне Середке вместе с отцом. После второго своего брака, однако, отделился от отца и переселился в д. Гарницу Сенногубской волости. Иван Трофимович—любящий и заботливый семьянин. Детей своих учил грамоте «не так, как отец их темный человек».

Когда Иван Трофимович поет свои былины, обычно, за работой, уча им и своих детей—в эти моменты совершается в душе певца таинственное проявление личного творчества: удерживая в большинстве случаев лишь общее содержание запавшей некогда в память былины, певец переменяет различные уже готовые поэтические картины и выражения, творит новые, в одном месте сгущает краски, в другом опустит две-три подробности, подчас забытые, а подчас незаслуживающие сочувствия или внимания — и стройно и красиво развертывается перед внимательным слушателем старая песня на новый лад. В бытность свою в Москве Иван Рябинин пел бесконечное количество раз и в ученых собраниях, и в учебных заведениях, и в частных домах. Всюду Иван Трофимович держался с достоинством, нисколько не изменяя своих привычек и правил, держась со всеми ровно и приветливо, без всякого заискивания или смущения.

«После краткого вступления одного из учителей, если дело происходило в какой-нибудь школе, Рябинин говорил ему—что, мол, «ты не долго обо мне говори то, еще куда-сь поспеть надо»,—он медленно поднимался по ступенькам к кафедре, кланялся на все стороны, садился, откидываясь несколько к спинке стула и, подняв вверх голову, застывал в этом положении. Еще несколько мгновений, водворялась мертвая тишина, и его задушевный, несколько сдавленный, но мягкий и высокий тенорок раздавался в зале, сразу очаровывая слушателей оригинальностью

и красотой напева. Некрасивые неподвижные черты его исхудалого лица приобретали новое выражение — необыкновенной важности, почти суровости, глаза его смотрели сосредоточенно и спокойно. По окончании каждой былины восторгам и аплодисментам не было конца, но Рябинин относился к ним наружно, по крайней мере, довольно равнодушно».

Интересны те беседы, какие вел Иван Трофимович с обступавшей его, главным образом, юной ученической публикой. Неизменно с достоинством, часто с большой находчивостью отвечал он на разнообразные сыпавшиеся ему вопросы. — «И ты веришь, что все это правда, о чем в былинах поется?» — вмешивался кто-нибудь из учеников. — «Знамо дело, правда, а то кака же потреба и петь их? — в свою очередь спрашивает сказитель и поясняет: — в те то времена поди чаво не было».

Много рассказов ходило по поводу Рябинина в Москве. Одна барыня заготовила для принятия сказителя великолепный ужин. Какое же было разочарование этой барыни, когда олонецкий певец, отказавшись от ужина, скромно спросил себе «кваску и капустки». Разочарованная барыня обиделась: «И ничего тут особенного нет в этом певце — мужика и только».

Не любил Иван Трофимович, когда некоторые учителя требовали у сказителя пропуска того или другого «непристойного стиха». — «А я, как могу не петь то. Нешто из песни слово то выкинешь? На то она и старина, что как старики певали, так и

нам петь надо. Сам знаешь, — не нами сложена, не нами кончится».

Не любил Иван Трофимович петь только начало былины, не оканчивая ее. «А может лучше то слова как раз к концу скажутся».

«Эти примеры, — справедливо замечает г. Лядкий, — ярко характеризуют всю серьезность, с которою относится Рябинин к хранимому им песенному сокровищу. И по искреннему убежденному тону можно было заключить, что это сознание было исконным в душе его и не явилось извне, навеянное успехом его пения в столице».

Пребывание в столичных городах не изменили ни вкусов, ни привычек олонецкого певца. У себя «на фатере» (в меблированных комнатах на Воздвиженке в Москве) Иван Трофимович вязал сети, для чего захватил с собой предусмотрительно нужные снасти.

Щедрая плата — а зарабатывал Иван Трофимович по 70—80 рублей в день и это было в 1895 г. — несколько поиспортила было Рябинина, пробудив в нем сребролюбивые аппетиты. Но и как было удержаться. Многие и русские и заграничные предприниматели предлагали Рябинину большие суммы, лишь бы он согласился на поездку с ними. — «А уеду я домой от вас — больно соскучился уж. Вот соберусь и уеду. Прах их побори деньги» — внезапно решал Иван Трофимович.

Тоска по деревне, по дому, по привычному делу взяли свое. Он все заботился о доме. Мыслью своей

он все время был там—в далекой олонедкой деревне. Предприниматели, художники, писатели, ученые и прочая публика—надоели Рябинину. В один прекрасный день Иван Трофимович внезапно собрался и, никого не предупредив, уехал к себе на Север. Бежал из шумной столицы к своему простому быту и привычному труду.

Та настойчивость, деловитость и рассудительность, соединенные с чувством достоинства, мы видим у обоих Рябинных, и это особенность характера северного крестьянина.

Эту же силу воли, соединенную с редкой смелостью и изобретательностью, мы встретим в жизнеописании многих из сказителей, с которыми приходилось встречаться собирателям былин.

С Л Е П Ы Е П Е В Ц Ы

Мы видели, что знание былин является несомненным отражением духовных дарований. Недаром сказители пользуются таким уважением и почетом среди своих земляков.

Знакомясь с отдельными сказителями, собиратели обычно подтверждали такое мнение.

Сказители считаются часто людьми мудрыми. Особенным уважением за свою мудрость пользовался среди олончан слепой сказитель Мина Ефимов.

Таким же мнением о мудреце, лекаре и вместе с тем знахаре пользовался сказитель Ефим Як. Завал — 84 летний крестьянин — коновал.

Некоторые из сказителей соединяют свое умение петь былины с серьезными, полными уважения и почета, религиозными обязанностями, особенно у старообрядцев. Это подчеркивает еще раз серьезный взгляд на былины у крестьянского населения нашего Севера. Таков, например, Иван Касьянов, из Кижей, предавшийся страстно чтению церковных книг для уяснения спорных вопросов между православной церковью и расколом.

Таков также упомянутый уже нами слепой сказитель — Анисим Федорович Вокуев, с Печоры. «Это в сущности замечательный человек, — так определяет его собиратель Ончуков. — Обладая воловьим здоровьем, розовый, как девушка, несмотря на свои седые волосы и 70 лет, Анисим громким, как труба, голосом поет свои старины. Являлся Анисим в квартиру собирателя убогим человеком, видимый каким-нибудь мальчиком. Но придет, сядет на пол

упершись спиной в стену, заговорит спокойно, нисколько не напрягая голоса, и стекла зазвенят в окнах, так, можно сказать, ужасен его голос. За свой удивительный голос при участии на сельских общества, которое, несмотря на свое убожество, он не дает никому в обиду. Анисим очень умен, обладает в высшей степени здравым смыслом и какой-то невероятной памятью. Когда-то, много лет назад Анисим слышал в чтении старообрядческие книги, защищающие старую веру, впитал в них существенное — и вот он — защитник старой веры. Когда православный миссионер устраивает беседу с старообрядцами, Анисим, ведомый по улице сынишкой за палку, смело являлся в отводную избу состязаться в вере и часто своим зычным голосом и насмешками гонит противника с поля словесной битвы. За его ум и острый язык его и уважают и побаиваются не одни однодеревенцы, где он положительно задает тон, часто многие устыдывлемцы обращаются к нему за советами в тяжелых делах. Однажды местный богатч посылал Анисима в качестве своего адвоката к зырянам на Вашку за 300 верст. Анисим хороший семьянин — у него чуть ли не 9 человек детей, хороший хозяин и зажиточный человек. Кроме старин, знает сказки и прекрасно рассказывает так же артистически, как поет и былины, без единой лишней строчки и слова».

Анисим, как мы видим, слепец. Среди сказителей очень часто можно встретить таких слепцов. Потеря

зрения зависит в значительной степени от тех условий сельскохозяйственного труда на Севере, от работы на лядинах среди дыма и искр, о чем мы говорили в начале очерка. Но что достойно нашего удивления — это редкое самообладание, поразительная сила воли и самостоятельности, какую проявляют часто эти слепые старцы, подобно только что упомянутому Анисиму.

Таков, например, встретившийся Гильфердингу в Петрозаводском уезде слепой сказитель Пев Еремеев. Ему было 56 лет от роду, но по глубоким морщинам его лица имел вид древнего старика, хотя обладал железными мышцами и страшною силою. Лишившись, будучи трех лет, от оспы глаз, с малолетства сирота, он рано начал самостоятельно зарабатывать себе кусок хлеба: «Своими праведными трудами Еремеев устроил себе с течением времени дом и хозяйство, несмотря на слепоту, постоянно ездит на рыбную ловлю, правит лодкою и всем распоряжается там, без чужой помощи и знает так хорошо места в озере, что к нему обращаются за советами, как к опытному лодману».

Еще более замечательную личность представляет из себя сибирский певец былин Леонтий Гаврилович Тупицын, из деревни Ересной (в 5-ти верстах от города Барнаула). В 1871 году у него записал целый ряд былин сибирский ученый собиратель народной словесности С. И. Гуляев, оставивший интересные сведения об этом привлекательном сказителе, частью со слов его самого.

Приводим рассказ Гуляева полностью:

«Деревушка Ересная—небольшая и крайне бедная—основана она прадедом Тупицына при постройке Демидовым Барнаульского завода. Тупицын жил с семьей в маленькой кое-как сколоченной из тонких бревешек избе, без сеней, с дверью прямо на улицу. Когда мы вошли в избу, Тупицын «топтал» (валял) сукно в корыте, держась руками за жердь, укрепленную подле стены. С печи выглядывало четверо мальчуганов в теплых шапках. Жена мыла горшки и чашки. Обстановка была самая жалкая.

Приехавши в Барнаул, Тупицын, оставшись погостить, передал С. И. Гуляеву следующий рассказ:

«Прадед мой, Лазарь,—говорил он,—вышел откуда-то из России на реку Ишим, а потом, по основанию А. Н. Демидовым Барнаульского завода, поселился с другими выходцами там, где теперь деревня. Сначала они жили в землянках, занимались рыбной ловлей, перевозили на завод дрова, руду и уголь. Дед Иван умер слишком 80-ти лет. Отец Гаврило жил более семидесяти. Оба знали много былин,

песен и преданий. Кроме того, дед как свадебный дружка славился еще и знахарством и выкидывал на свадьбах непостижимые шутки против недобрых знахарей и знахарок. Отец, занимаясь по вечерам какой-либо работою, постоянно напевал былины или рассказывал о стародавних временах. Во время исправления заводского «повытка», когда станут бывало «лагерем» на ночлег, тогда все, собравшись к огню, садились около старика и слушали былины, которые любили также и господа и казаки, охранявшие соляные озера (Ямышевское и Боровые), куда старик ездил за солью, и всегда позволяли ему за пение нагреть бесплатно воза по три соли. Слушая былины, я напевал их после один и удержал в памяти, но много и позабыл».

Тупицын был неграмотный.

В то время, к которому относится рассказ Леонтия Тупицына, умершего в 1878 г., он считал себе более 60-ти лет. От первой жены осталось у него три сына и три дочери. От второй он имел четырех сыновей и двух дочерей. Сыновья от первого брака все были женаты и дочери замужем. Когда мы посетили Тупицына, старшему сыну от второй жены было 17 лет. Занимаясь рыбной ловлей, перевозкой руды и угля, умея делать лодки, дровни и разную посуду, вить веревки, прясть пеньку для сетей и вязать их, он жил хорошо, но по смерти первой жены, женитьбы и выдачи дочерей замуж, когда семья разрознилась, хозяйство стало расстраиваться, особенно после двух постигших его несчастий, которые довели его до крайней бедности.

Первое, случившееся в 1855 или 56 г., состояло в том, что однажды, когда он поехал на дровнях за сеном, вонзилась в икру левой ноги сосновая «зелюна» (зелье, из которого готовят «заезки» для верш). Выдергивая занозу, он переломил ее, нога в колене согнулась, от чего и от боли он девять лет ходил с большим трудом на костылях, но все-таки занимался домашними работами. Рана не заживала, но на девятом году, на другой стороне ноги, против раны образовался нарыв и показался конец занозы, которую он мало по малу и вытащил, после чего рана закрылась, нога же осталась согнутою, так что он во время ходьбы ступал только на оконечности пальцев, не касаясь подошвою земли. Другое несчастье—внезапная слепота, поразившая Тупицына в 1863 году. «В мясопустное заговенье, говорил он,— я был в гостях у двоюродного брата, Ивана Тупицына. Возвращаясь домой часов в шесть вечера, я шел по переулку, погода была тихая, вдруг пахнул в лицо налетевший с косого ра ветерок, от чего у меня затряслись веки и в глазах потемнело, так что я добрался до избы уже ощупью.» На эту странную причину внезапной слепоты я обратил внимание местных медиков, которые отозвались, что подобные случаи бывают.

Несмотря на потерю зрения, Тупицын постоянно занимался какою-либо работою, пряд пеньку и лен на сделанной им самим же до слепоты «прядее» (самопрядке), вязал сети и другие рыболовные снаряды, выдалбливал водопойные колодцы и корыта

«сельниды» (сеяльницы), «начевки» (лотки для «шанег» и калачей), делал грабли и вилы, косил траву, когда укажут ему «постать» (место, где станут косить), шил даже «азямы» (армяки) из крестьянского сукна, скроенные женою, при чем кто-нибудь из детей вдевал в иголку нитку. Не задолго перед моим знакомством с ним Тупицын нарубил 12 саж. дров для одного из соседей. После, по моему заказу, сделал две водопойные колоды, выдолбленные из сосновых бревен. Однажды, приехавши ко мне летом 1871 года, приготовил пару головок для граблей, а из коры, содранной с молодых деревьев ветлы, свил веревку, употребляемую для «кошек» (якорей из «каракуль»—сучковатых вершинок сосны, на цокобие мутовок). Многие, видя Тупицына, работающего подобно зрячему, не верили, что он слеп, но мнение это совершенно не основательно: зрачки глаз у него были тусклы, и падающие прямо на глаза солнечные лучи не производили на него никакого впечатления. Он замечал, однакож, солнечный свет и огонь свечки, но из окружающих предметов ничего различить не мог.

Леонтий Гаврилович представлял замечательный тип даровитого великоруса, обладавшего обширною памятью и наблюдательностью. В простой ясной речи он передавал обстоятельно все случившиеся с ним в жизни, виденное и слышанное от других. Убеденный в истине того, о чем поется в былинах, он пел их с выражением на лице чувства внутреннего удовольствия и, увлекаясь, при поэтической его

натуре, в мир фантазии. Музыка и пение производили на него, очевидно, приятное впечатление, как можно было судить по проявлявшейся на лице улыбке. Заслышав знакомый ему напев, он при чутком музыкальном слухе не мог удержаться, чтобы не подтягивать про себя мелодии. Кроме былин, он знал довольно много народных песен, обрядовых, круговых, сказок и поверий. Хотя голос у него потерял уже полноту и свежесть, однако, былин его заслушивались все. Женская прислуга наша, когда он, бывало, начнет петь, трогалась до слез.

Вообще, насколько мы можем судить по личным наблюдениям, жители южной Сибири весьма сочувственно относятся к былинам и старинным песням, сложенным народом, а не сочинителями, подпевающими под народный лад.

Знаменитый натуралист Брем, во время приезда в июне 1866 г. через Барнаул в Томск со своими спутниками, пожелал видеть Тупицына, за которым я и послал в Ерсную. Тупицын пропел по несколько стихов из былин и песен, выбранных из сборника по особому характеру мелодий. Знаменитый путешественник, сидя против певца, не сводя с него глаз, внимательно слушал пение».....

Среди сказителей, обычно людей оседлых, попадаются, однако, иногда лица, отличающиеся исключительной жаждой путешествий, скитаний, люди, что говорится, бывалые, «волоakitные». Некоторые из них предаются путешествиям просто по личной склонности, другие бывают вынуждены к этому родом своих занятий.

К последним нужно отнести, например, тех сказителей, которые вместе с тем являются деревенскими коновалами. Таков, например, хотя бы олонецкий сказитель Ефим Завал, 80 летний старик, который в качестве коновала исходил почти всю Россию от Петербурга до Москвы, был в 20-ти губерниях, но на старости лет поселился у себя на родине, устроился хозяйством и имел некоторый достаток. Таков сказитель из Петербургской губернии, тоже коновал по ремеслу, Иван Яковлев 90 лет. Выучившись коновальному ремеслу, он 20-ти лет от роду пошел в Сибирь, где обилые лошадью у крестьян обещало ему хорошие заработки. Вернувшись из Сибири и побывав дома, он отправился в Вологду, побывал в Соловках, ходил потом на Волгу и в Оренбург, был в другой раз в Сибири. Потом промышлял более в окрестностях Петербурга и, наконец, в последние годы своей жизни стал жить постоянно дома.

Сказитель Иван Григорьевич Захаров из Водлозера был человеком «волоakitным», разъезжавшим по деревням, для торговли рыбой, дичью, скотом и снабжения воднозерцев хлебом и порохом.

Сказителю А. Е. Осташеву, 78-ми летнему старику, приходилось раньше 20 лет кряду ходить по Печоре с Чердынскими судами от Балбинского носу до Якши и обратно (тысячи три верст). Ходил он сначала в бечевниках «шипкою», т. е. передним бурлаком, затем лодманом. Там ему довелось научиться части своих былин.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ СКАЗИТЕЛЬНИЦА
М. Д. КРИВОПОЛЕНОВА

Приведенные выше примеры дают нам еще несколько дополнительных черточек для характеристики севернорусских певцов былин, склада их ума и жизненного опыта.

Но, несомненно, никакая заочная характеристика певцов, никакое описание их личности и пения не могут дать того представления о них, какое мы можем вынести из непосредственного с ними знакомства.

К сожалению, жителю центра и южных губерний, тем более горожанину, видеть сказителя и слышать пение им былин почти не приходится.

Поэтому для любителей родного искусства бывают настоящим праздником редкие приезды северных сказителей, подобно упомянутым выше посещениям столичных городов Рябиниными или Щеголенковым. Несколько лет назад Москве и Петербургу, а также и некоторым другим городам пришлось, благодаря предприимчивости московской артистки О. Э. Озаровской, непосредственно видеть и слышать архангельскую сказительницу М. Д. Кривополенову.

Ее приезд в Москву и другие города дал возможность широким кругам образованного общества столкнуться непосредственно с представительницей древнего народного искусства, заразиться его красотой и почувствовать его силу.

Скромную сказительницу Севера повсюду сопровождал исключительный успех. Ее встречали необычайно тепло, с большим вниманием и любовью. Простая крестьянская певица с удивительным даром

способна была заинтересовать представителей самого образованного общества. Ее приглашали всюду напереерыв. Она пела и в ученых учреждениях, научных обществах, например, в Обществе Любителей Российской Словесности или в Этнографическом Отделе, она выступала в Университете и на Высших Женских Курсах; про бесконечное количество средних и низших школ я не говорю. Наконец, совместно с артисткой Озаровской она много раз выступала перед тысячной публикой в особых концертах. Бывала она также в ряде частных домов у ученых, писателей и артистов.

И всюду она встречала большое сочувствие своему искусству, всюду ее сопровождало такое внимание, какое заслужит далеко не всякий заправский артист или певец.

Но кто же была эта волшебница?

Это простая маленькая, почти крошечного роста старушка, чрезвычайно добродушная на вид, но не без ума и не без некоторой даже порой хитрости. Ее впервые узнал собиратель былин Григорьев в 1900 году и записал у ней 14 былин. Через 15 лет судьба свела ее с упомянутой сейчас собирательницей—артисткой Озаровской.

Марье Дмитриевне, когда она приезжала в Москву, пошел уже 8-й десяток. Одета она была и в Москве в свой излюбленный северный наряд: в пестрядинную рубашку, в синяке и в повойнике. Она производила впечатление настоящей «лесной старушки».

Родом она из деревни Шатыгорки, Архангельской губернии, на реке Пинеге. Отец ее рано умер. «Ростил» ее дедушка. На 23 году М. Д. вышла замуж. Но не повезло ей в семейной жизни. Муж ее оказался горьким пьяницей; по ремеслу был он сапожником. Любовь к зеленой вину доводила его даже до тюрьмы, где он сидел за воровство, познакомился он и с арестантскими ротами. Если глава дома и уходил из дому на заработки, то он ничего почти домой не приносил, пропивая все в пути. За 10 лет до приезда Кривополоновой в Москву, он был убит в пьяном виде беглым каторжником. Почти непрерывное пьянство мужа в конце разорило деревенское хозяйство, и Марье Дмитриевне с детьми пришлось жить в крайней бедности. Григорьев застал ее живущей в низкой двух-этажной избе, без крыши, с одной маленькой комнатой в каждом этаже. Пришлось М. Д. еще при жизни мужа кормиться «милостью». Она ездила за ней на лошади по чужим деревням, в своей деревне известное чувство гордости не позволяло ей побираться.

Замужняя дочь М. Д. незадолго до приезда М. Д. в Москву умерла, оставив после себя грудку ребятшек. Зять женился на другой. Марья Дмитриевна страшно любила внучат и, будучи в Москве, она все время жила мыслью и чувством с ними.

72 лет познакомилась она с приехавшей на Север московской артисткой Озаровской. Та так полюбила милую старушку, так восхитилась ее дарованием,

что решила во что бы то ни стало привезти эту сказительницу в Москву. «И поехала,—пишет Озаровская,—бабушка со мной в Москву. А в Москве многим тысячам показала, не мне одной, какая она артистка. Маленькая, сухонькая, а дыханье как у заправского певца; три зуба во рту, а произношение четкое на диво; 72 года, а огня жизни на зависть молодым. И не поразили ее чудеса большого города, трамваи, автомобили, магазины с невиданными товарами—все это скользнуло, не задев души лесной бабушки. Но ее артистическая душа жадно впитала в себя тот дух старины, которым так веет от Москвы для всякого художника. Бабушка здесь, в Москве, получила оправдание своим песням, и по той огромной радости, с которой она говорила об этом, можно заключить, как дороги были ей ее песни. Подумайте— всю жизнь пела о «каменной Москве» об Иване Грозном, о Марье Демрюковне, и все здесь нашлось. «Уж правда—каменная Москва: дома каменные, земля каменная. Даже Ивана Грозного своими глазами видела (на портрете), значит, уж не враки, а была же бывалое».

Ехать в Замоскворечье—значит ехать к Скорлутке (к дому Малюты Скуратова). Каменный мост—стал для нее былинным «калиновым мостом».

Удивительно держала себя М. Д. в Москве: независимо, деликатно и ласково. Приветливость, добродушие никогда не оставляли ее. При угощении она проявляла обычную по деревелскому северному обычаю церемонность. Искренно, горячо полюбила

она некоторых своих московских знакомых, относясь к ним доверчиво и совершенно как равная, но без всякой навязчивости. Приятно было видеть эту простую деревенскую старушку, обладающую большим поэтическим даром, среди избранной публики. Она чувством своим сознавала, что она владеет таким художественным даром, который одинаково близок и дорог всякому истинному поэту и артисту, будь он самый образованный и знатный человек или неграмотный простой крестьянин.

И, действительно, Кривополенова настоящая артистка. Когда она пела свои былины, она воодушевлялась перед выступлениями обнаруживала свойственное артистам некоторое волнение. Но стоило ей начать пение своих любимых былин, как сказительница несмотря на то, что она пела часто перед тысячной толпой, быстро овладевала всеобщим вниманием и чувствовала себя совершенно свободно. Близко принимала к сердцу М. Д. свои былины. Вживалась в них, дорожила ими. Былин она знала много. Знала и духовные стихи, и свадебные песни, и заговоры. Григорьев так определяет знание ею былин: «старинны она знает «истово», поет их она быстрым распевом духовных стихов, энергично, отрывисто, с резкими ударениями».

У ней есть свои особенно любимые былины. Так, самой ее излюбленной былинной является интересная веселая былина о Кострюке, шурине царя Ивана Васильевича Грозного, приехавшем с Кавказа (он был черкасский князь) в гости к царю

в каменну Москву. На пиру Кострюк Темгрюкович похвастался своей силой и спросил у царя борцов:

А со мной поборитися,

А с Кострюком поводитися.

Однако русские борцы оказались гораздо искуснее самонадеянного Кострюка. Один из них Васька Хроменький в присутствии царя и царицы поборол Кострюка и публично осрамил его.

Марья Дмитриевна когда поет эту веселую былинку «скоморошину», как она ее называет, она вся оживляется. Глаза сверкают искренним восторгом и заразительным весельем. Как бы для большего оживления действия М. Д. в некоторых местах былины машет платком, показывая этим, например, как Васенька Хроменький стал Кострюка «потряхивать»:

На руках то его потряхивает,

До земли то не допущивает.

Голос у М. Д. небольшой, и ей одной петь несколько трудно, поэтому при некоторых своих былинах, как при только что указанной о Кострюке, которую она и у себя в деревне пела раньше со своей сестрой, она требует поддержки, чтобы ей подпевали.

И, надо видеть, как огромная аудитория по властному требованию маленькой старушки—«сказительницы» заражалась ее пением и веселыми голосами подпевала за ней. Особенно заставляла М. Д., чтобы ей подпевали при веселой «небылице»:

Небылица в лицах, небывальщина.

Да небывальщина, да неслыхальщина.

Эти слова составляют припев после каждого стиха песни—и громко, весело подхватывала этот припев публика, весело смеясь содержанию самой небывальщины, в которой, между прочим, поется, как:

По поднебесью да сер медведь летит.

Он ушками, лапками помахивает,

Он черным хвостом да принаправливает,

По синему морю да жернова плывут,

Жернова плывут, да тут певун (петух) поет.

Весело и заразительно пела сказительница смешные, веселые старины. Совершенно иначе пелись ею былины с серьезным содержанием.

Слезы волнения не позволяли ей петь одну из тяжелых былин о том, как князь Роман жену терял. При пении былин Мария Дмитриевна меняла выражение своего голоса, сообразно содержанию былины. Так, явный упрек слышался в ее голосе, когда она пела про самонадеянное хвастовство богатыря в былине об Илье Муромце и даре Калине:

А было бы в матушке сырой замле,

А было бы в ней золото кольцо,

Поворотил бы матушку сыру землю.

Не редко среди пения сказительница вставляла краткое пояснительное замечание. Этими замечаниями она имела целью раз'яснить непонятное, а главное—усилить у слушателя впечатление.

Так, описывая нашествие на Киев град неверного Калина царя и его требование «города Киева»—М. Д. вдруг поясняла: «Как Германе ведь», намекая на современные слушателям события мировой войны.

Или, заканчивая былинку о Кострюке, где посрамленный борец дает заклятие:

Да не дай бог бывати здесь,

У царя в каменной Москве,

Да не детям, не внучатам,

Да не внучатам, да не правнучатам

она вставляла насмешливое замечание—«ни за что не заманишь пряником».

Заканчивала свои былины М. Д. обычно каким-нибудь словом: «не осудите,» или «на том и кончилось». Выражения общего сочувствия, аплодисменты, видимо, действовали на нее. Она принимала это к сердцу и, как умела, благодарила, кланяясь на все четыре стороны. На просьбу петь она почти никогда не отказывалась, разве уж когда в конце уставала. «У всякого попа свой устав, чего не знаю, так не умею. Чего знаю—пожалуйста»,—обычно говорила она. И все-таки М. Д. тосковала по деревне и под конец уже скучала в Москве, все более и более думая о своей родине, о внучатах, о своей убогой хижине. И на мой вопрос: «осталась бы ты, Марья Дмитриевна, в Москве?»—она отвечала решительным «нет». «Милый предел» был ей бесконечно дороже всей московской роскоши и всех столичных чудес. После революции М. Д. Кривополенова вновь приезжала в Москву и пользовалась при выступлениях обычным успехом.

Зимой текущего года М. Д. скончалась у себя на родине.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Вопрос о художественном значении народной словесности является одним из наиболее сложных и дискуссионных в современной филологии. В то время как в искусствоведении и литературоведении принято считать, что народная словесность представляет собой лишь фольклорный материал, не обладающий самостоятельной художественной ценностью, в филологии и лингвистике она рассматривается как важный источник информации о языке и культуре народа. В данной работе мы попытаемся проанализировать художественное значение народной словесности с точки зрения ее роли в формировании национального самосознания и культуры.

Народная словесность — это совокупность устных и письменных произведений, созданных народом и передаваемых из поколения в поколение. Она включает в себя сказки, былины, песни, пословицы, поговорки, загадки и т.д. Эти произведения являются не только средством передачи информации, но и формой художественного творчества. Они отражают жизнь, мысли и чувства народа, его историю и культуру.

Художественное значение народной словесности заключается в том, что она является источником вдохновения для писателей и поэтов. Многие произведения классической литературы и искусства созданы на основе народных сказок, былин и песен. Народная словесность также является важным средством воспитания молодежи и формирования их национального самосознания.

В заключение следует отметить, что народная словесность — это не просто фольклорный материал, а важный источник художественного творчества и формирования национальной культуры. Она заслуживает особого внимания и изучения со стороны филологов и искусствоведов.

Таковы некоторые из наших северных сказителей. Проявленное сказителями понимание красоты, глубокая любовь к искусству пения, искреннее увлечение старинами заставляют признать в них истинных художников и поэтов. Бесконечно благодарен должен быть им русский народ, что они бережно сберегли до нашего времени поэтические предания старины стародавней. Только благодаря исключительной памяти и любви к былинам этих неграмотных северных крестьян сохранилось для будущих поколений записанное у них учеными собирателями это замечательное поэтическое богатство.

Ведь несомненно, что одним из самых драгоценных духовных сокровищ, какими владеет русский народ, является его художественное слово, великая русская литература. Несмотря на значительную отсталость нашей страны в хозяйстве, промышленности и общей культуре, русский народ в течение прошлого века в области литературы сумел стать вровень, а иной раз и впереди, своих более культурных соседей. Сочинения многих русских писателей давно перешли русскую границу и стали любимыми произведениями культурных народов всего мира. Многие русские писатели—вместе с тем писатели и учителя мировые. Имена Льва Толстого, Достоевского и других известны всякому образованному человеку. Русский народ по справедливости находит в своей литературе перед лицом культурных наций доказательство своих великих задатков и дарований.

Чем же объяснить такой пышный расцвет русского художественного слова, такое обилие первоклассных писателей, в то время как во многих других сторонах своей жизни русский народ жил до недавних лет в далеко отсталых условиях жизни? Ответ один: расцвет русской литературы объясняется несомненной склонностью русской нации к искусству, в частности, к художественному слову, к поэзии. Не доказывается ли это появлением целого ряда выдающихся писателей из самой гущи народа? Таков, например, народный поэт Кольцов, таков Максим Горький, а также те многие даровитые писатели и поэты из народа, которых выдвинула сейчас наша революция. Но самым наглядным доказательством большой поэтической одаренности русского народа является как раз его исключительная по своему богатству и разнообразию, по своей красоте и выразительности—русская устная народная словесность. Песня сопровождает русского человека с его детской колыбели, песня верный друг его в молодости, она его юность, счастье, ей доверяет он свою любовь, она утешает его в несчастьи, веселит в радости. С песней на устах прощается невеста с девичьей «волей вольною». В песне изливает свою жалобу на тяжелую долю замужняя женщина. Грустные, печальные напевы провожают в мать сыру землю близкого «упокойника».

Каких только песен не знает русский народ: всевозможные обрядовые, как весенние, колядские, троицкие, семидские, жнивные, свадебные, всевозможные

хороводные, беседные или посидельные, рекрутские, солдатские, тюремные и так далее, и так далее. Ко всякому случаю, по всякому поводу готова у русского человека песня. Это только песни! А сколько, помимо того, другого словесного богатства! И завлекательные сказки, и былички, и всякие сказания, и знакомые уже нам «старинные»-былины, «про старое, про бывалое», и таинственные заговоры, и меткие пословицы, и хитрые загадки — чего, чего только не найдется в богатой песнями сокровищнице народа! Недаром один иностранный писатель, пораженный богатством и разнообразием русской народной словесности, готов был признать, что ей чуть ли не принадлежит первое место между народными песнями всех народов земного шара. А в красоте и совершенстве народных произведений он видит «явное доказательство высокого поэтического дарования русского народа».

Эта красота поэтических образов народной словесности, соединенная с подкупающей простотой, в чем, вообще, нужно видеть главнейший признак истинного искусства, не могла не обратить на себя внимание русских поэтов и писателей. Истинные наши поэты не обходили презрительным молчанием народной поэзии. Наоборот, в ней они черпали образы и краски для многих своих произведений, на ней учились и вырабатывали свой яркий литературный язык.

Так, А. С. Пушкин с увлечением, с жаром собирал народные песни, пословицы, сказки. Народная

словесность послужила источником его бесподобных сказок — «Сказка о царе Салтане», «о рыбаке и рыбке», «о попе Остолопе и работнике его Балде». Народная песня вошла в его поэмы и драмы (Русалка). Пушкин глубоко вдумывался в смысл русских пословиц, поражался красоте сказок, учился на них русскому языку. Об этом говорит хотя бы следующая выписка из его письма. «Сказка сказкой, а язык сам по себе, и ему то нигде нельзя дать того русского раздолья, как в сказке. А как это сделать? Надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по русски и не в сказке. Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет! Что за прелесть эти сказки. Каждая есть поэма».

Так высоко ценит мастер художественного слова бесхитростную красоту народной поэзии. Другой знаменитый писатель Н. В. Гоголь также был большим и горячим ценителем и поклонником народного творчества. На сказочных преданиях родной ему Украины основаны известные повести «Вечера на хуторе близ Диканьки». Подобно Пушкину, Гоголь собирал песни, сказки, народные выражения. Особенно трогала поэтическую душу Гоголя народная песня. Ей он придавал особенно важное значение. «Народная песня, — писал он, — это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь». — Она «живая, говорящая, звучащая о прошедшем летопись».

«Моя радость, жизнь моя—песни! Как я вас люблю»—срывается с его уст восторженное восклицание.

И другие русские писатели ценили и любили народную словесность. Чрезвычайно высоко ставил ее Лев Толстой; народной песне Толстой отдавал предпочтение перед многими прославленными произведениями словесного и музыкального искусства. Народная словесность послужила главным источником для творчества таких поэтов, как Кольцов, Никитин, Некрасов, Суриков. Многие из ее необычайного богатства почерпнули такие поэты и писатели, как Алексей Толстой, Майков, Мей, Мельников-Печерский, Лесков, Писемский, М. Горький, Короленко и мн. другие. И в наши дни писатели и поэты Бальмонт, Валерий Брюсов, Городецкий, Блок, Андрей Белый, Ремизов, Пришвин, крестьянские поэты Клюев, Есенин, Клычков, Орешин, многие из пролетарских поэтов, Демьян Бедный и др. часто прибегают к подражанию народной поэзии. Иначе, впрочем, и быть не может. Народное творчество в течение веков создало такое обилие художественных образов, в нем так ярко и разнообразно отразились народные вкусы, мечтания и чувствования, что всякий истинный поэт при прикосновении к этому источнику невольно почерпает из него свежесть чувства и выразительность художественного слова. После сказанного нам станет понятным, почему и в науке и в литературе отводится большее внимание народному словесному искусству. Понятно, почему просвещенные ученые люди так бережно

собирают народные песни, сказки, пословицы и прочие виды устной словесности. Народная словесность, помимо своей художественной ценности,—«живая летопись прошлого»—она важна для науки, изучающей прошлые и настоящие судьбы народа. «Свойства народной словесности таковы,—писал знаменитый историк Костомаров,—что ее изучение в совокупности произведений может доставить историку возможность усвоить тот проникающий все эти произведения дух народа, с которым он видит в настоящем свете понятия, чувствования и воззрения этого народа».

Следует только пожелать, чтобы все больше и больше в самой народной среде находились люди, умеющие понять и оценить художественное и научное значение народной словесности, любовно и тщательно записывать ее и сохранять на будущие времена то, что создано народным гением в течение длинного ряда веков. К счастью, за последние годы нам приходится быть свидетелями того, как все чаще на помощь в этом деле ученым специалистам приходят деятели из самой деревни—любители и собиратели народной поэзии. От их совместной работы можно ждать больших и плодотворных результатов для науки и искусства.

Чрезвычайно отрадным и многообещающим является также тот факт, что с коренным видоизменением социальной и политической жизни всех других народов, входящих в наш Союз Советских Социалистических Республик, мы являемся сейчас свидетелями

повышенного интереса самих этих прежде угнетаемых национальностей к изучению своего национального быта и творчества. В связи с этим любители и ценители народного искусства и поэзии в праве ожидать раскрытия еще во многом им неведомых своеобразно красочных и самобытных созданий народного творчества, чем еще больше увеличится область общечеловеческого искусства.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
«Старина стародавняя»	5
Глухой Север—хранитель былин	15
Красота русского Севера	23
Наследие вольного Новгорода; характер северян	29
Сказитель на северных промыслах	35
«Особенный талант»	41
Знаменитые сказители	47
Сказывание старин	53
Художественные приемы	61
Как выражается в былине личность сказителя?	67
Сказитель—истинный художник	73
Олонецкий сказитель Т. Г. Рябинин	79
Сказитель И. Т. Рябинин	87
Слепые певцы.	93
Сибирский сказитель Л. Г. Тупицын	97
Архангельская сказительница М. Д. Криво- ленова	105
Художественное значение народной словесности	115